





C. H. H. H. H.

АВГУСТЪ ФОРЕЛЬ.

АВГУСТЪ ФОРЕЛЬ.

МОЗГЪ И ДУША

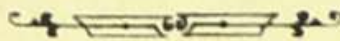
1-ая ТЫСЯЧА.

88.23
Ф79

Августъ Форель.

М О З Г Ъ
И Д У Ш А

П Е Р Е В О Д Ъ
СЪ ДЕСЯТАГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ
ДОКТОРА Б. И. ФЕЙНБЕРГА.



ДА^Ю
Л. С. ПОЛЕВОГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1908 Г.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

80515

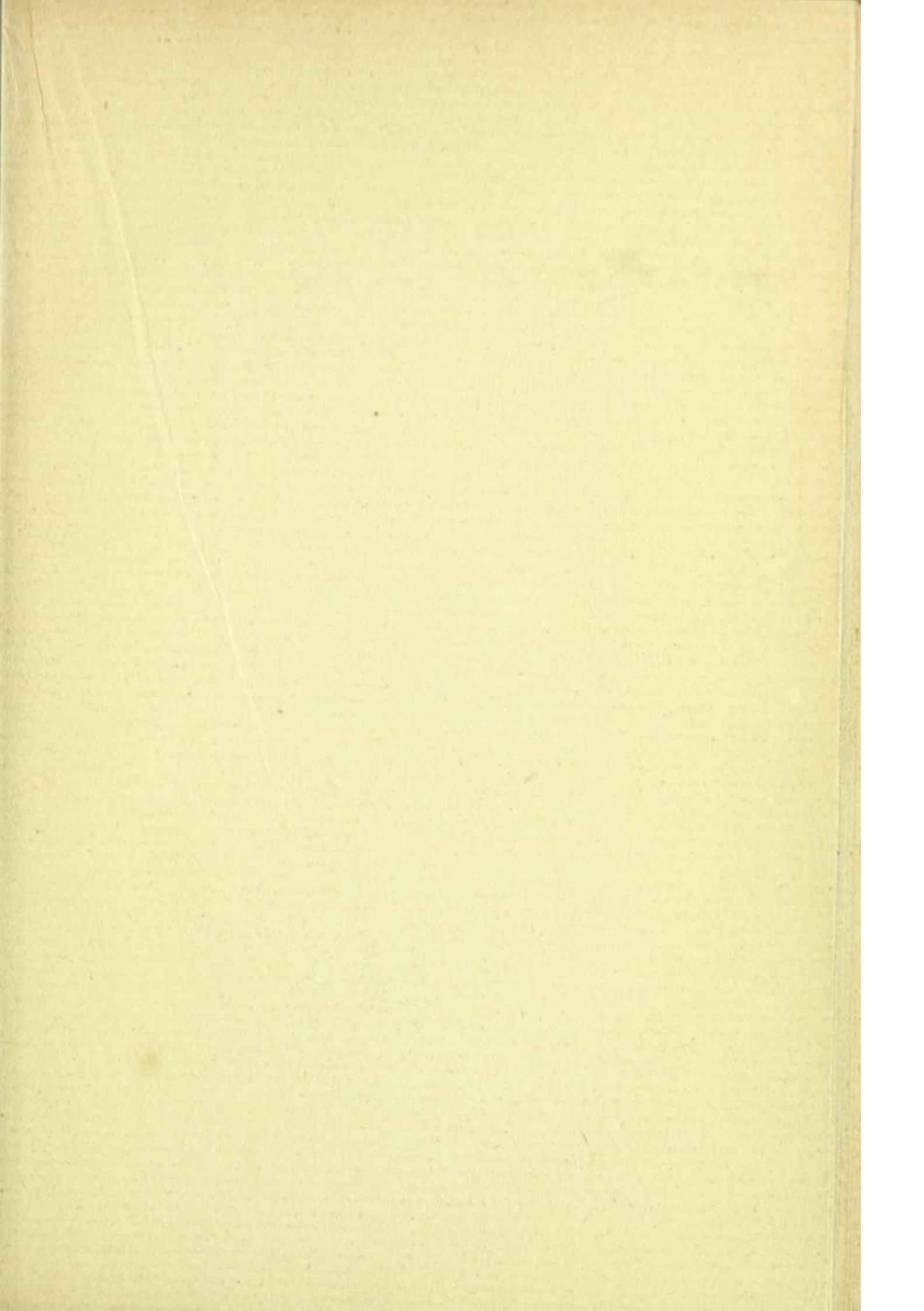
МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Я. Мильштейна Нижегородская, 14.



100



ПРЕДИСЛОВІЕ
КЪ
ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

بسم الله الرحمن الرحيم



Предлежащій докладъ читанъ въ общемъ засѣданіи отъ 26 Сентября 1894 года, въ собраніи нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Вѣнѣ. Трудность исчерпать такую тему въ $\frac{3}{4}$ часа, пусть послужитъ извиненіемъ краткости многихъ указаній, помѣщенныхъ въ подлинникѣ.

Чувство недостаточности моихъ изложеній и даже увѣренность, что по ихъ поводу возникнутъ всевозможныя недоразумѣнія, меня не удержало коснуться этой обширной темы, ибо я счелъ необходимымъ публично о ней говорить. Но тѣмъ необходимѣе мнѣ нынѣ кажется дать соотвѣтственныя разъясненія, разъ я болѣе не связанъ краткостью времени отведеннаго для доклада.

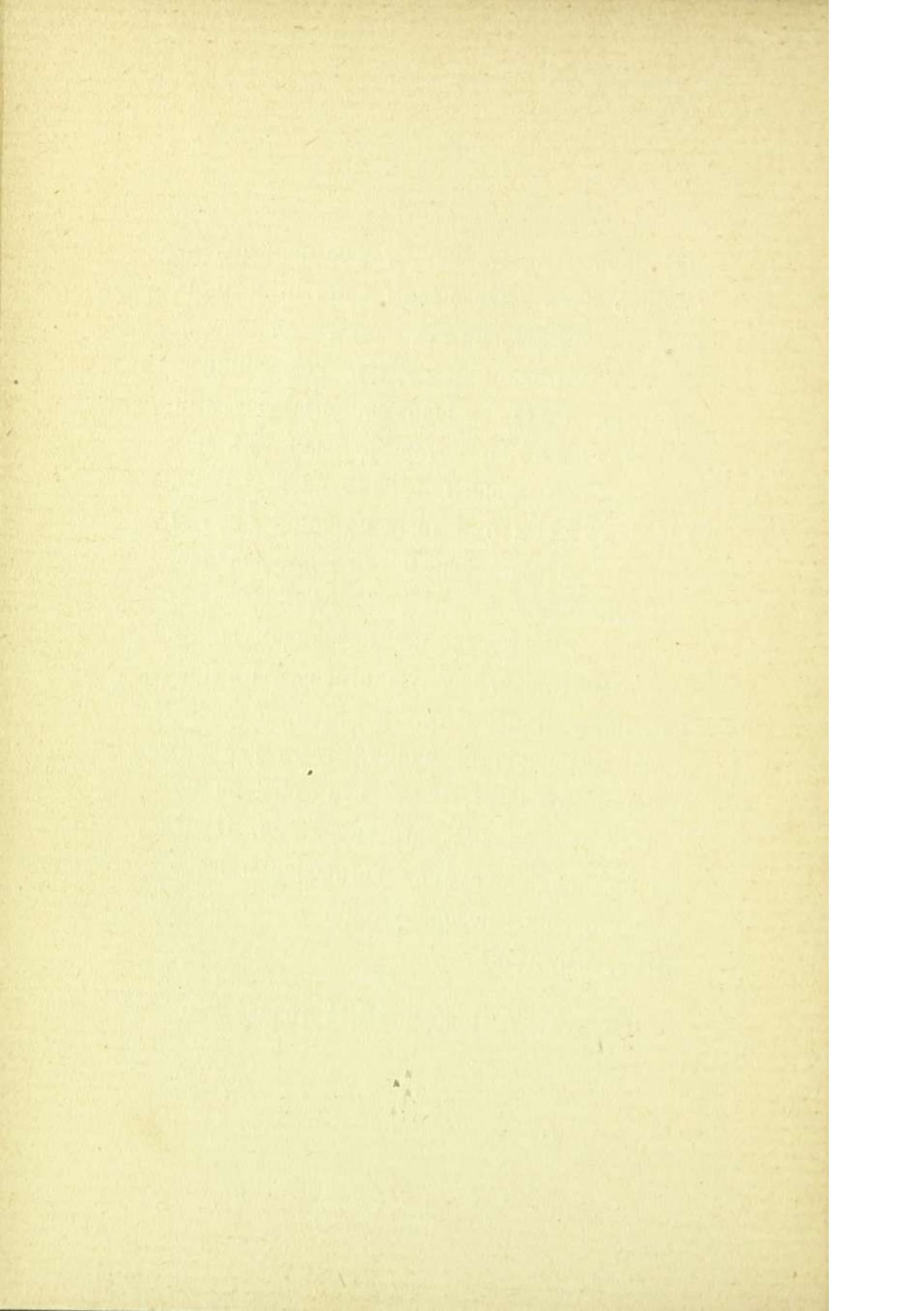
Цѣлый рядъ писемъ и критическихъ статей я получилъ изъ обоихъ <лагерей>, я ихъ ждалъ и говорю сердечное спасибо строгимъ критикамъ. Благодаря имъ внесено много разъясненій и улучшеній. Особенно признателенъ я моимъ друзьямъ Д-ру Rudolph Martin, приватъ-доценту по антропологии въ Цюрихскомъ университетѣ и товарищу Д-ру Bleuler, директору воспитательнаго дома въ Рейнау, за ихъ критику.

Особенно подчеркиваю, что я не собираюсь изложить нѣчто <новое>, не собираюсь даже въ такомъ сжатомъ докладѣ цитировать весь необъятный философскій и естественно-научный матеріалъ, на которомъ я основываюсь (преимущественно Darwin и Herb. Spencér), ибо въ противномъ случаѣ мнѣ пришлось бы написать обширную научную книгу или быть одностороннимъ и несправедливымъ,

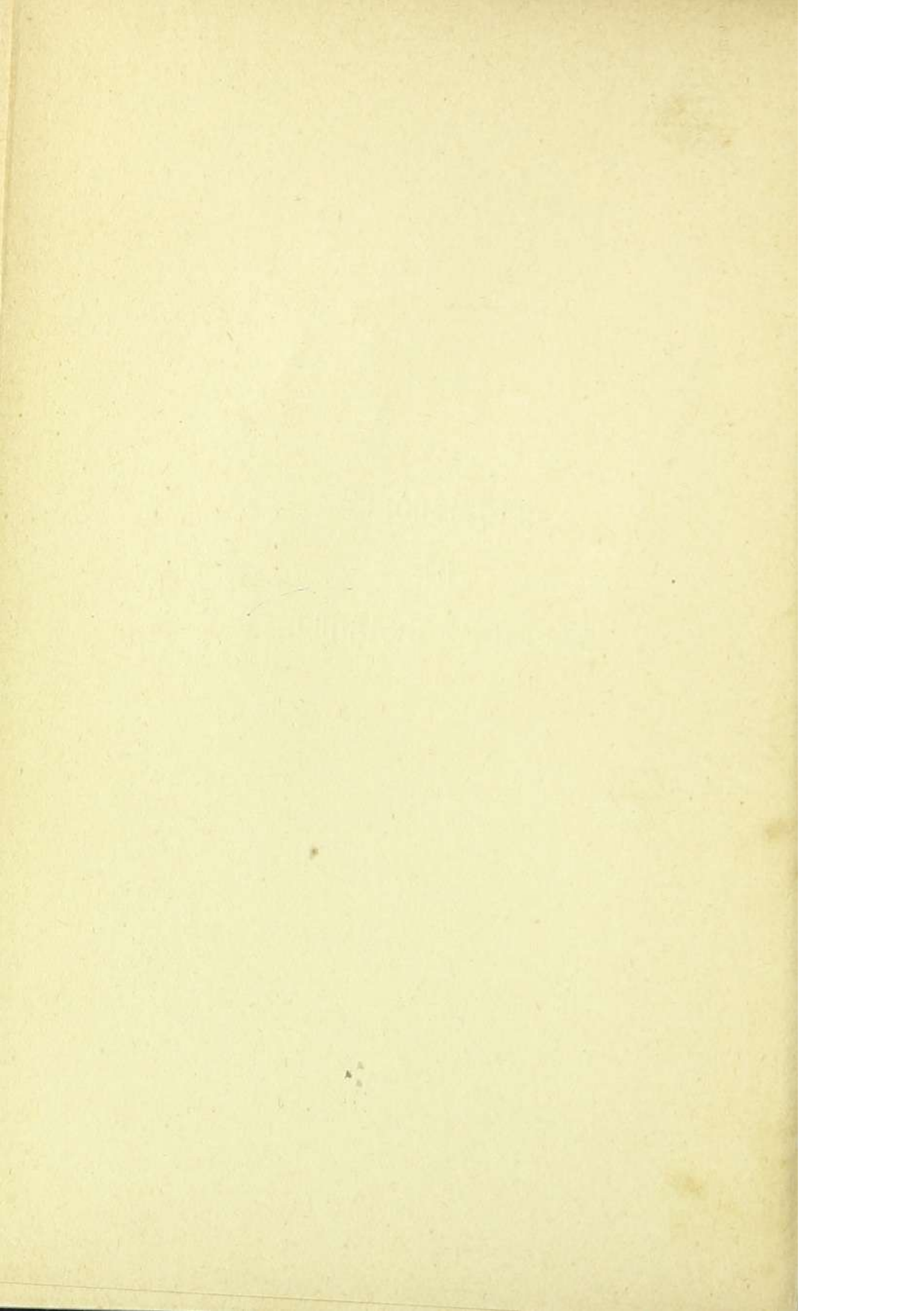
Но, мало того, не могу также не сознаться, что вслѣдствіе массы занятій я многихъ соотвѣтственныхъ темъ сочиненій и докладовъ не читалъ. Къ положеніямъ, которыя были высказываемы другими раньше меня, но, которыя были мнѣ незнакомы, я дошелъ самоучкой. Рѣчь І. Гундалля о религіи и знаніи (1874) напр. прочелъ лишь послѣ моего доклада.

Разъясненія приведены въ видѣ примѣчаній. Несмотря на необходимую познательно-теоретическую оговорку съ приведеніемъ Канта, въ докладѣ сдѣланы лишь маленькія поправки, тамъ гдѣ онѣ были необходимы, такъ что онъ не потерялъ первоначальнаго характера. Пусть же онъ содѣйствуетъ разъясненію нѣкоторыхъ, на недоразумѣніяхъ основанныхъ, взглядовъ.

Цюрихъ, 7 Ноября 1894 года.

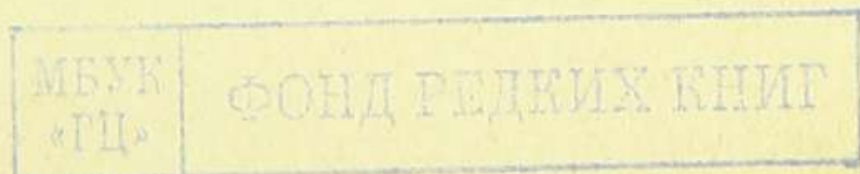


ПРЕДИСЛОВІЕ
КЪ
ДЕВЯТОМУ ИЗДАНІЮ.



80515
Новыя изысканія заставили меня сдѣ-
лать новыя примѣчанія и нѣкоторыя из-
мѣненія въ текстѣ. Примѣчанія эти въ
зависимости отъ изданія, въ которомъ онѣ
помѣщены помѣчены соотвѣтственнымъ
числомъ.

Въ общемъ первоначальный текстъ
остался по возможности безъ измѣненія,
ибо я свои взгляды съ тѣхъ поръ изло-
жилъ въ двухъ большихъ сочиненіяхъ.
«Гигіена нервовъ и духа». Штутгартъ у
Е. Н. Moritz, 2 изданіе 1905 и «Половой
вопросъ», 5 изданіе 1905, у E. Reinhardt
въ Мюнхенѣ) и я не желалъ ихъ смѣ-



шати съ своимъ докладомъ о мозгѣ и душѣ. Все же я былъ вынужденъ объяснить теорію мнемоники Семон'а съ цѣлью обоснованія переменны моей точки зрѣнія.

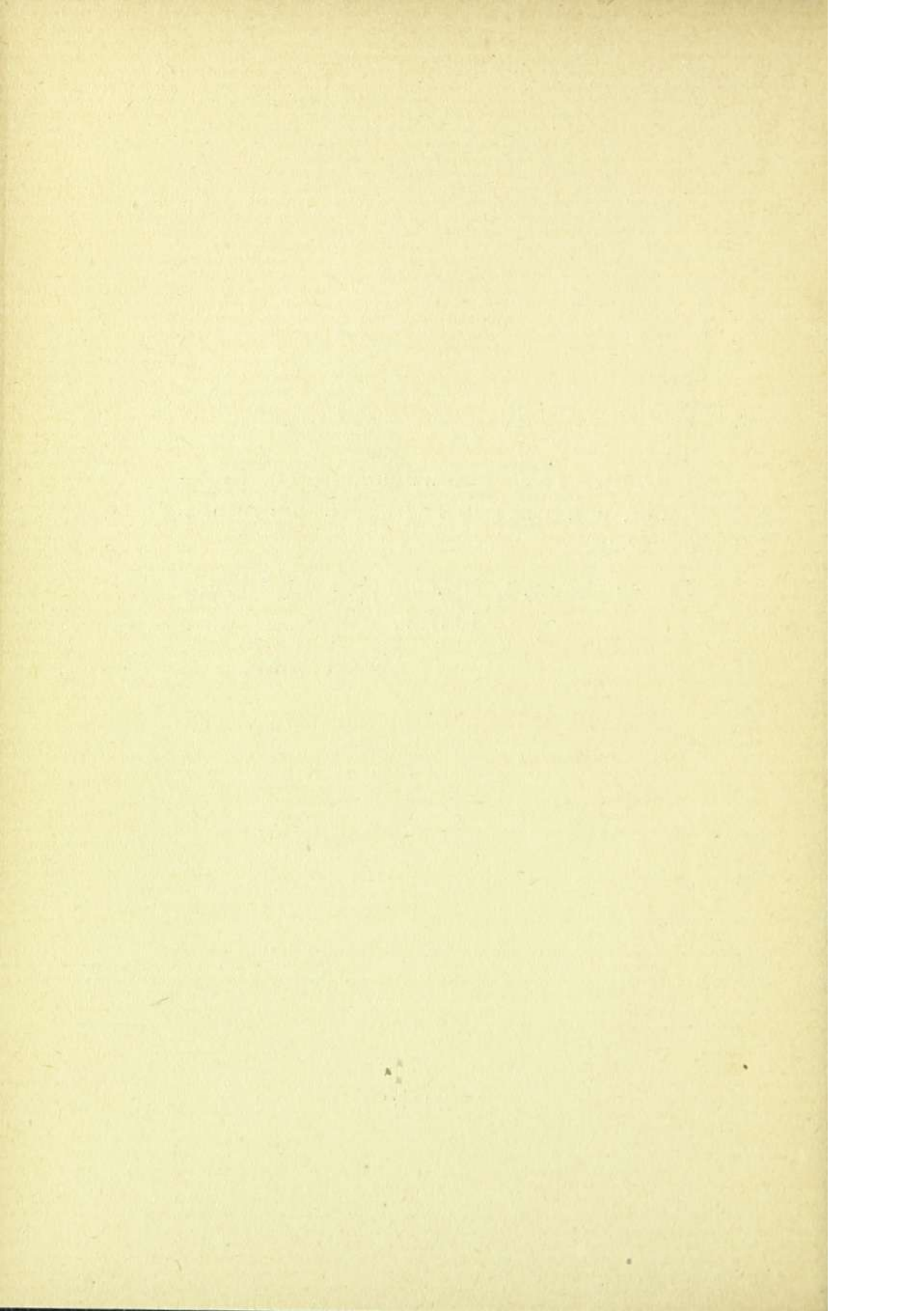
Chigny près Morges (Швейцарія) 15
Апрѣля 1906.

ПРЕДИСЛОВІЕ
КЪ
ДЕСЯТОМУ ИЗДАНІЮ.

Одинъ годъ лишь прошелъ послѣ изданія, а я въ немъ ничего измѣнить не могу.

Увогне (Ваадтъ, Швейцарія) 14 Апрѣля
1907 г.

August Forel.



Съ вершины развѣтвленнѣйшаго современнаго научнаго древа познанія, и состоящаго изъ страшной массы единичныхъ фактовъ и положеній, намъ отъ времени до времени приходится спуститься съ цѣлью убѣдиться, что общая связь не потеряна, что изъ за развѣтвленій мы не забываемъ ствола, на которомъ мы сидимъ, или не видимъ того дремучаго лѣса, который и есть наше специальное поле дѣйствія.

Сдѣлай мы это нынѣ, намъ представятся такія мало желательныя положенія, которыя насъ заставятъ призадуматься. Изъ нихъ я укажу вамъ на 2 положенія, имѣющія тѣсную связь съ нашей темой.

Во первыхъ преобладаніе духа специальности или односторонности ремесла. Не взирая на все разнообразіе ихъ проявленій, міровыя явленія имѣютъ между собою

тѣсную гармоничную связь. Мы ихъ однако лишь познаемъ такъ, какъ онѣ представляются нашимъ органамъ чувствъ и изучаемъ лишь соотношенія этихъ явленій между собою. Съ цѣлью приспособленія нашего ограниченнаго духа къ необъятной массѣ этихъ явленій, мы ихъ анализируемъ, затѣмъ классифицируемъ и полученнымъ такимъ путемъ абстрактностямъ придаемъ названія. Въ дальнѣйшемъ мы орудуемъ уже лишь только названіями, весьма часто забывая, что мы ими пользуемся для искусственно созданныхъ нами абстракцій, вытекавшихъ изъ неразрывной связи вещей. Мы украшаемъ понятія качествами, которыя отвлеченное имѣть не можетъ, и принимаемъ въ концѣ концовъ за подлинныя вещи, изъ которыхъ мы ихъ мысленно отдѣлили. Такъ мы создаемъ искусственные факты, искусственно раздѣленные отдѣлы, въ приро-

дѣ не существующія границы, образуемъ воздушныя и словесныя зданія, которымъ въ концѣ концовъ поклоняемся, какъ научнымъ идоламъ (да извинится мнѣ это выраженіе), кругомъ которыхъ мы, какъ спеціалисты, собираемся,—но это угрожаетъ стволу древа познанія.

И все же мы должны дѣлить работу между собою и углубиться въ частности, дабы при строго очерченной работоспособности нашего мозга и краткости индивидуальной жизни обхватить необъятный матеріалъ знанія. Желательно лишь только, чтобы каждый, какъ бы онъ не углубился въ свой спеціальныи отдѣлъ, не упустилъ изъ виду общаго обзора всѣхъ научныхъ истинъ; ему слѣдовало бы изучить философію въ первоначальномъ значеніи этого слова, съ чѣмъ, къ сожалѣнію, мы нынѣ совсѣмъ не встрѣчаемся.

Второй недочетъ, который въ настоя-

щее время все болѣе и болѣе чувствуется, это отчужденіе между религіей и наукой. Раньше начало и конецъ большинства научныхъ сочиненій были посвящены Богу. Нынѣ почти безъ исключенія ученый стыдится даже произносить слово «Богъ». Онъ боязливо избѣгаетъ все то, что напоминаетъ Бога, даже тогда, когда въ частной жизни онъ исповѣдуетъ ортодоксальную религію. Откуда это происходитъ? Будемъ мы откровенны, вмѣсто того, чтобы кривить душой, обманывать самихъ себя.

Богъ есть сосредоточіе непостижимаго метафизическаго всемогущества ¹⁾. Его представить себѣ нельзя. Религіи впервые возникли изъ потребности людей отыскать себѣ наивысшую защиту, которая бы оберегала ихъ отъ тысячъ опасеній, отъ ихъ скоропроходящаго безотраднaго, болѣзненнаго существованія и вселяла бы имъ мужество ²⁾.

Ихъ представленія о Богѣ формировались въ соотвѣтствіи со временемъ возникновенія познаній и образованности, т. е. они были очеловѣчены, и отсюда возникаетъ жалкій, неискоренимый антропоморфизмъ въ представленіи о Богѣ въ различныхъ религіяхъ. Къ религіознымъ системамъ, въ особенности у народовъ *арическаго племени*, въ послѣдствіи присоединилась теоретическая и практическая этика, она стала существенной составной частью ихъ. Фактически же она ничего общаго съ религіей не имѣетъ. Съ одной стороны многія вѣроученія часто очень сильно грѣшатъ противъ этики, съ другой мы встрѣчаемся съ высокоразвитой этикой безъ религіознаго вѣрованія.

Сущность же религіи, намъ кажется, состоитъ въ *гармонической связи* метафизическаго представленія о Богѣ, мірового взгляда каждаго человѣка, съ чув-

ствомъ этики и эстетики, съ идеальными и одновременно практическими альтруистическими цѣлями, конечно въ соотвѣтствіи съ духомъ свободныхъ научныхъ изысканій³). Такимъ образомъ религіи при ихъ возникновеніи находились болѣе или менѣе въ созвучіи съ тогдашнимъ уровнемъ знанія. Удерживаніе неподвижныхъ догмъ, устарѣлыхъ и примитивныхъ легендъ, даже словъ, смыслъ которыхъ съ теченіемъ времени былъ утерянъ, и мелочныхъ формъ, привели къ тому, что религіи эти нынѣ пережили себя. Въ большинствѣ случаевъ они на мѣсто безконечнаго Бога, и чистой высокой этики, поставили вышеупомянутаго идола. Этимъ онѣ отдалились отъ свободныхъ мыслителей, предавшихся научнымъ изысканіямъ и отъ большинства высшихъ мыслителей вообще, — старая комедія, которая въ міровой исторіи все вновь повторяется. Та-

кимъ образомъ намъ теперь недостаетъ внутренней подлинной религіи, потому что нетерпимость вѣры съ непоколебимыми догматами откровенія разрушила идеаль философской истины и отчасти чистую преданную любовь къ ближнему, этику.

Гордясь своими успѣхами, наука въ свою очередь оставила основу чистой философіи. Она слишкомъ часто забывала, что мнимые законы не есть основные законы, а лишь детальныя соотношенія неизмѣримой, общей божественной вселенной ⁴⁾. Она также поставила себя на мѣсто Бога и поклонялась матеріалистическимъ идоламъ, вѣрнѣе словамъ, выражающимъ отвлеченность (матерія, сила, атомъ, законъ природы), но которыя конечно не менѣе несостоятельны, чѣмъ религіозныя догматы, надъ которыми она презрительно насмѣхалась. Особенно врачи часто отличались грубымъ механическимъ матеріализмомъ

и отсутствіемъ психологическаго пониманія.

Итакъ, мы видимъ самыя высокіе идеалы человѣчества, которые въ полной гармоніи должны были бы стремиться вверхъ; философія, религія, наука, этика и эстетика, въ силу жалкаго недоразумѣнія, неряшества и страстей, отчужденными другъ отъ друга, часто каррикатурно искаженными и бессмысленно воюющими другъ съ другомъ.

Я выбралъ мою сегодняшнюю тему съ цѣлью попытаться приблизиться къ первоисточнику этихъ недоразумѣній.

Дабы уже въ началѣ предупредить всяческія неправильныя толкованія я предположу основное разсудочно-теоретическое опредѣленіе Канта.

Кантъ. (Sämmtl. Werke, Ausg. Rosenkranz, стр. 307—309) говоритъ: «я утверждаю, что всѣ трудности, которыя при

этихъ вопросахъ думаютъ найти, вызваны тѣмъ, что догматическими возраженіями дѣлаютъ видъ болѣе глубокаго вниканія въ существо вещей, чѣмъ это доступно обыкновенному разуму, а это исключительно зиждетъ на призракъ, такъ какъ то, что лишь въ мысляхъ существуетъ гипостазируется, и въ томъ же качествѣ принимается за подлинный предметъ, но внѣ мыслящаго субъекта...> ибо матерія и общность ея съ душой, по поводу которой возникаютъ большія сомнѣнія, есть ничто иное, какъ только форма или извѣстный родъ представленія неизвѣстнаго предмета черезъ посредство того воззрѣнія, которое именуется внѣшнимъ чувствомъ...> Но намъ надо бы подумать, что тѣла сами по себѣ не наличные предметы, а лишь представленіе о какихъ то неизвѣстныхъ предметахъ; что движеніе не есть вліяніе этой неизвѣстной причины,

а только проявленіе его вліянія на наши чувства; что поэтому оба не есть ничто внѣ насъ, а лишь представленія въ насъ самихъ; такимъ образомъ не движеніе матеріи вызываетъ въ насъ представленія, а матерія сама есть представленіе, и въ концѣ концовъ самосозданное затрудненіе сводится къ тому, какъ и по какой причинѣ представленія нашихъ чувствъ стоятъ между собою въ связитакъ, что тѣ, которыя мы именуемъ внѣшними воззрѣніями по эмпирическимъ законамъ могутъ быть представлены какъ предметы внѣ насъ».

Это говоритъ Кантъ. Однимъ словомъ это значитъ: всѣ вещи вселенной для насъ трансцедентны, т. е. лежатъ внѣ возможности нашего уразумѣнія; мы о нихъ имѣемъ лишь «мысленное представленіе». На этомъ мѣстѣ я однако желалъ бы исключительно съ естествоисторической

точки зрѣнія освѣтитъ соотношеніе физическихъ и психическихъ родовъ сознаній. Недостаточность опредѣленій и неудовлетворительно истолкованныя понятія, я прошу извинить краткостью этого доклада и обоюдоостростью проблемы.

Мы убѣжденно предполагаемъ, что внѣ насъ существуетъ міръ, который намъ представляется черезъ посредство въ насъ существующихъ чувствъ. 5)

Понятія о душѣ и духѣ, догмами и теоріями такъ отодвинулись отъ простого, наивнаго воззрѣнія cadaго человѣка, что становится труднымъ возстановить первоначальныя данныя. И все же мы должны попытаться это сдѣлать. Въ субъективной исторіи человѣческаго «Я», понятія о душѣ, духѣ, сознаніи, субъективизмъ болѣе или менѣе тождественны и другъ въ другъ переходящи. Они основаны на способности первыхъ «сознательныхъ» во-

споминаній жизни и на связи ихъ съ послѣдующими. Безъ памяти связь души невозможна и невообразима. Это, какъ мы увидимъ, во всѣхъ мелочахъ подтверждается гипнотическими экспериментами.

Понятіе души въ первой очереди совпадаетъ съ понятіемъ субъективнаго внутренняго созерцанія (Introspection) т. е. сознанія. Понятіе этого субъективизма представляется для каждаго человѣческаго индивидуума, особенно для ребенка непосредственно даннымъ и нераздѣльнымъ. Все что я сознаю, я наивно считаю принадлежностью моего Я—все равно есть ли это мысленное ощущеніе внѣшняго міра, внутренняя боль, чувство, мышленіе или рѣшеніе. Во всемъ что психологически совершилось однако кроются, какъ это всѣ анализы настойчиво доказываютъ, два явленія—хотя и представляющія собою нераздѣльную вещь, но къ

которой можно подойти съ разныхъ сторонъ:

1) Мозговая дѣятельность или энергія лишь посредственно и внѣшно констатируемая;

2) ея субъективный рефлексъ (ея сознание), который мы наблюдаемъ. Содержимое сознанія, его качество и сила направляется 1-ымъ т. е. мозговою дѣятельностью. Въ представленію о «мозговой дѣятельности,» какъ и вообще внѣшняго міра, мы приходимъ лишь посредствомъ сравненія нашихъ различныхъ ощущеній чувствъ между собою, помощью движенія. Такимъ образомъ мы достигаемъ относительно болѣе точный взглядъ на внѣшнія дѣйствительности, которыхъ мы считаемъ «объективными,» но которыя на самомъ дѣлѣ состоятъ только изъ заключеній, получаемыхъ изъ сравненія субъективныхъ картинъ. Итакъ мы видимъ:

1) что лишь переменны происшествій

и отношенія между ними, нами сознаются и, что въ основѣ лежитъ непрерывная дѣятельность проявленія сознанія. *Тихое и неизмѣняющееся сознаніе скоро проходитъ.*

2) что такимъ образомъ сознаніе показываетъ всегда мѣняющееся содержимое.

3) что въ сознаніи отражаются всевозможныя происшествія внѣшняго міра черезъ посредство нашихъ чувствъ, также какъ и внутреннія происшествія нашего тѣла, особенно нашей головы, нашего мозга; послѣднія въ формѣ воспоминаній, чувствъ, желаній и мысленій и т. д.

4) Сознаніе сравнивали съ внутреннимъ зеркаломъ. Слѣдовало бы это сравнить лишь съ отраженіемъ (Introspection). Ибо, если дѣятельное содержимое сознанія исчезаетъ, абсолютно ничего не остается изъ сознанія. Убравъ отраженное, пресловутое «зеркало» исчезаетъ какъ тѣнь, когда

свѣтъ прекращается, какъ гиря, если удалить взвѣшенное тѣло, какъ движеніе, если не представишь себѣ движущихся атомовъ, какъ представленіе о матеріи, если изъ него удалить энергію. Но намъ слѣдуетъ строго держаться того, что изъ освобожденнаго понятія о сознаніи должна быть уничтожена всяческая примѣсь содержаемаго сознанія, всякое понятіе объ энергіи и дѣятельности. Недозволительнымъ и ведущимъ къ недоразумѣніямъ является расширеніе этого понятія посредствомъ присокупленія къ нему тѣхъ бывшихъ содержимыхъ, о которыхъ сознательно болѣе не вспоминаешь. То что сейчасъ не сознаешь или болѣе не сознаешь не принадлежитъ болѣе къ его содержимому. Понятіе объ «Я» должно такимъ образомъ быть отдѣлено отъ понятія сознанія. — Къ смѣшанному понятію «Я», относится несчетное количество не сознанныхъ представленій ⁶⁾).

Старались опредѣлить условія происхожденія сознанія; но это былъ напрасный трудъ, ибо нельзя было доказать, что какая либо дѣятельность жизни безсознательна. Дѣятельность вниманія которой явленіе нашего сверхсознанія (Oberbewusstsein) особенно сопровождается, смѣшивали съ симъ послѣднимъ; такимъ образомъ и здѣсь смѣшивали сознаніе съ дѣятельностью мозга, обуславливающей его содержимое.

Если къ понятію душа причислить все содержимое наличнаго сознанія и все то, что раньше познавалось «Я», то душа должна быть опредѣлена какъ полная дѣятельность большого мозга, являющаяся въ свѣтъ извѣстнаго намъ отраженія (Introspection). Если еще присовокупить неизвѣстную дѣятельность нервовъ, то понятіе душа еще болѣе затруднительно расширится. Но и безъ того видно, что пред-

ставленія—душа и нервная дѣятельность, принадлежатъ лишь разнымъ взглядамъ одной и той же вещи или, что объекты обоихъ представлений вполне другъ въ другѣ сливаются.

5) Такимъ образомъ не трудно видѣть, что общія понятія сознанія, души, матеріи, энергіи, какъ и понятіе пространства и времени, все вмѣстѣ и каждая порознь, превращаются въ ничто, если ихъ вполне расчленишь т. е. если каждую въ отдѣльности разсмотримъ и разъединимъ. Отсюда вытекаетъ, философіей признанный, вообще же непризнанный фактъ, что эти понятія соотвѣтствуютъ лишь частичнымъ явленіямъ, которыя мы добыли анализомъ и отвлекли отъ міровыхъ вещей, придавая имъ въ послѣдствіи имена, но сами по себѣ онѣ все же не могутъ считаться вещами.

6) Отсюда, затѣмъ далѣе вытекаетъ, что представленіе «душа» состоитъ изъ

двухъ постоянно перемѣшанныхъ составныхъ частей: а) изъ абстракціи души или сознанія, что лишь составляетъ общее отвлеченное представленіе нашего отраженія (Introspection), б) изъ въ зеркалѣ показаннаго, реального динамическаго содержимаго сознанія. Обѣ составныя части однако абсолютно неразъединимо содержатся въ представленіи «душа».

7) Все дѣйствующее содержимое сознанія въ свою очередь связано съ существованіемъ живого дѣйствующаго мозга. Содержимое сознанія безъ мозга для насъ людей также не существуетъ, какъ сознаніе безъ содержимаго. Я конечно говорю о содержимомъ сознанія, аналогичномъ съ нашимъ, а не о сознаніи клѣтокъ и атомовъ *). Вкратцѣ же скажемъ: на одной сторонѣ человѣческое сознаніе,

*) Объ этомъ въ послѣдствіи больше.

душа, содержимое сознанія; на другой— дѣятельность мозга и матерія мозга суть только формы явленій одной и той же вещи и раздѣляемо лишь только для отвлеченнаго разума, но не само по себѣ. Отдѣльно ни одно изъ этихъ явленій безъ другого не было представлено. Сознаніе безъ содержамаго, живой мозгъ безъ дѣятельности, дѣятельный мозгъ безъ явленій души не существуетъ. *Не существуетъ мозга безъ души, также какъ не существуетъ сложная, аналогичная нашей, душа безъ мозга, энергія безъ матеріи, или матерія безъ энергіи.*

Какую ведутъ невѣроятную игру словами и понятіями, показываетъ пресловутая «матеріализація духовъ» у спиритовъ. Изъ своихъ галюцинацій они заключаютъ о существованіи «духовъ безъ тѣлъ». И съ цѣлью доказать подлинность

своихъ мнимыхъ духовъ, они вдругъ придаютъ имъ матеріальныя качества!

Эти, такимъ путемъ прибрѣтенныя, познанія насъ приводятъ къ метафизическому допущенію въ полномъ смыслѣ слова божественной, монистической міровой силы, которая прячется за нашими искусственными понятіями, которая одновременно должна быть и сознаніемъ, и матеріей и силой и, которая изъ себя воспроизводитъ распространяющуюся эволюцію міровъ и спеціально неорганическую и органическую природу нашей земли. Эта міровая сила, видимо, въ себѣ имѣетъ пластическую способность расширяемости безконечнаго эволюционистическаго разнообразія въ частностяхъ своихъ явленій, въ связи съ критическими повтореніями рядовъ единичныхъ явленій и регулированные гармоническими законами, которые (законы) мы нашими слабыми мозговыми

силами, въ нашемъ частичномъ человѣческомъ сознаніи, лишь относительно и частично подозрѣваемъ, или сознаемъ и затѣмъ по своему составляемъ. Это предположеніе, которое почти совпадаетъ со взглядами Вгипо и Сріпоза относятся уже къ метафизикѣ, къ сферѣ, не подающейся изслѣдованію. Но къ метафизикѣ относится также атомистическая гипотеза, лежащая въ основѣ нашихъ наукъ. Опасность всѣхъ метафизическихъ ученій лежитъ въ округленности, въ составленіи деталей и въ догматизированіи. Научно мы лишь можемъ сказать: такое въ дальнѣйшемъ неопредѣленное предположеніе имѣетъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что оно сходится съ результатами нашего научнаго познанія и не ставитъ насъ передъ неразрѣшаемыми противорѣчіями.

Во всѣ времена философы пытались

проникать въ монистическій міровой принципъ, въ существо Бога. Такія попытки дѣлали Платонъ своей «Идеей», Спиноза «Субстанціей», Лейбницъ «Монадами», Шопенгауеръ «Волею», Гартманъ «Безизвѣстнымъ», но всѣ они болѣе или менѣе придерживаются формы явленія; ⁸⁾ самые великіе, особенно Кантъ, приходили къ заключенію, что они о міровомъ всемогуществѣ и о вещахъ самихъ по себѣ ничего не знаютъ, что человѣкъ скромно долженъ ограничиться изысканіемъ и познаваніемъ воспринятыхъ имъ явленій и ихъ соотношеній; долженъ признать, что онъ неразрѣшенную метафизическую проблему Бога рѣшить не въ силахъ. — Но наша человѣческая мозговая душа должна быть разсматриваема какъ частица вселенной и не сама по себѣ, какъ нѣчто иное, особо отъ нея существующая. Она въ нашемъ смыслѣ божественна, какъ

вселенная, но не сама по себѣ нѣчто болѣе возвышенная, чѣмъ другія міровыя явленія. Она, положимъ, самая сложная и наивысшая изъ намъ на этой маленькой землѣ знакомыхъ міровыхъ явленій, однако же и ея органъ-мозгъ, представляетъ собою наисложнѣйшую и наивысше развитую организацію извѣстной намъ міровой матеріи; такимъ образомъ и здѣсь нѣтъ несоотвѣтствія между мозгомъ и душой.

Потому нѣтъ основанія противопоставить особое дуалистическое понятіе души иному понятію, которое хотятъ назвать бездушной матеріей. Каждое душевное явленіе имѣетъ свою матеріальную душевную оборотную сторону; каждое матеріальное явленіе должно бы, такимъ образомъ, въ обширномъ смыслѣ слова, имѣть свою душевную оборотную сторону явленія, хотя чаще болѣе элементарную — но объ этомъ скажемъ послѣ больше.

Изъ сказаннаго недвусмысленно явствуетъ, что изученіе душевныхъ явленій, какъ извнутри, въ смыслѣ отраженія сознанія, черезъ психологію, такъ и извнѣ, въ качествѣ дѣятельности мозга, черезъ физиологію и психофизиологію, принадлежитъ сферѣ описательнаго научнаго изученія природы ⁹).

Разсмотримъ теперь органъ души, мозгъ. Но я этого не могу начать раньше, чѣмъ вспомню о знаменитомъ, къ сожалѣнію слишкомъ рано умершемъ, вѣнскомъ изслѣдователѣ мозга Meunert'ѣ, ученикомъ коего я имѣлъ честь быть, который своими геніальными взглядами и изслѣдованіями, по образцу Karl Friedrich Burdach'a, наиболѣе содѣйствовалъ доказательству единства мозга и души.

Онтогенетически образуясь изъ наружнаго зародышеваго листка эмбриона, филогенетически изъ дифференцированныхъ

эпителиальныхъ клѣтокъ, нервная система представляется въ качествѣ потомка обыкновенныхъ животныхъ клѣтокъ. Ея специальное качество заключается въ способности ея элементовъ, полученныя раздраженія волнообразными ¹⁰⁾ молекулярными движеніями отсылать и переводить на другіе элементы. Это молекулярное нервное движеніе можно бы, не взирая на ея далеко не познанную еще химико-физическую природу назвать *Neurokym* (нервная волна). Раньше предполагали, что существуютъ 2 сорта нервныхъ элементовъ, нервная клѣтка и нервное волокно. Волокно считали анатомическимъ проводомъ между нервными клѣтками. Другой взглядъ въ 1886—87 гг., одновременно и независимо другъ отъ друга, былъ высказанъ *His*'омъ, на основаніи эмбриологическихъ изслѣдованій, и мною, на основаніи результатовъ атрофическаго метода *v. Gudden*'а, и согласовано съ гистоло-

гическими изысканіями Golgi's'a. Этотъ взглядъ былъ черезъ 3 года, изслѣдованіями Ramon y Cajal и другихъ гистологовъ, особенно Kölliker'омъ, подтвержденъ и всѣми принятъ. Онъ находится въ согласіи съ онтогеніей и съ сравнительной анатоміей нервной системы. По этому взгляду каждое нервное волокно, т. е. исключительно его осевой цилиндръ, есть продолженіе нервной клѣтки. Оно такимъ образомъ не есть элементъ, а лишь вѣтвь, или продолженіе элемента. Оно затѣмъ далѣе не соединяется, по крайней мѣрѣ не первично, съ другими элементами, но находится лишь, черезъ соприкосновеніе своихъ древообразныхъ конечныхъ вѣтвей, съ ними въ связи. На этомъ основаніи нервной сѣти нѣтъ, но лишь другъ въ друга вѣдряющаяся спутанность безконечныхъ, очень длинныхъ и тонкихъ вѣтвей нервныхъ клѣтокъ; эта спутанность изображала лишь сѣть. Са-

мыя существенныя нервныя клѣтки имѣютъ одну главную вѣтвь, предназначенную для изолированнаго перенесенія нейрокима, т. е. нервной волны, на болѣе отдаленный элементъ. Эта главная вѣтвь, нервное волокно, несомнѣнно лучше изолируется сердцевиннымъ влагалищемъ (Markscheide) нерва. Последнее состоитъ изъ аморфной массы (Myelin), которая разъединяется отъ обрѣзающихъ тканей и потомъ лишь снаружи присоединяется. Этому точно опредѣленному нервному элементу, т. е. нервной клѣткѣ со всѣми сердцевину содержащими и не содержащими сердцевины продолженіями и развѣтвленіями, Waldeyer далъ имя <Neuron>.

Кромѣ того старыя и новыя изслѣдованія (Leydig, Schulze, Kupffer, Nissl, Apathy) доказали фибрилярную структуру волоконъ и особенныя извѣстными средствами красящія и въ зави-

симости отъ категорій клѣтокъ мѣняющіяся раздѣленія протоплазмы нервной клѣтки. Въ нервномъ элементѣ или по *Waldeyer*'у нейронѣ, такимъ образомъ имѣются еще болѣе тонкія элементарныя частицы второго порядка, значеніе которыхъ однако еще не ясно. Все же слѣдуетъ предположить, что фибриллы должны бы способствовать передачѣ единичныхъ развѣтвленій нервного волокна.

Въ новѣйшее время *Apathy* утверждалъ, что нейронная теорія неправильна, что клѣтки ганглій не суть клѣтки нервовъ, а представляютъ лишь узловатыя точки, и что фибриллы создаются вездѣ и повсюду въ нервной системѣ и тѣлѣ, разсѣянными маленькими нервными клѣтками. По его взгляду, такимъ образомъ, фибриллы въ эмбрионѣ не произрастаютъ изъ клѣтокъ ганглій, но проникаютъ въ нихъ снаружи. Однако эта гипотеза еще не

обоснована ¹¹⁾). Напротивъ концы фибриллъ, кажется, вторично срастаются съ кѣтками ганглій.

Но пусть будетъ какъ угодно, фактомъ остается единство готоваго нейрона, доказанное безчисленными экспериментами вторичной дегенераціи и атрофіи. Вся центральная и периферическая нервная система такимъ образомъ состоитъ изъ сложения многихъ единичныхъ системъ нейроновъ, которыя—да извинится грубое сравненіе, которое я раньше употреблялъ въ своихъ лекціяхъ—нервными волнами другъ на другъ играютъ ¹²⁾.

Во всемъ тѣлѣ, разсѣянные между остальными тканями, лежатъ 2 главныхъ сорта нейроновъ: центрипитальные или чувствительные (чувствительные нервы), которые передаютъ чувствительныя раздраженія центральной нервной системѣ, и центрифугальные или моторные (двига-

тельные нервы) которые переносят ней-
рокимы центральной нервной системы на
мускулатуру. Моторный нейронъ имѣетъ
свою клѣтку въ центральной нервной си-
стемѣ, его конечныя деревца ложатся на
мускульныя волокна на подобіе птичьихъ
когтей (или, по Arathy, въ нихъ внѣдря-
ются) по командѣ свыше и, раздражая,
вызываютъ движеніе. Два периферическіе
сорта нейроновъ однако являются лишь
подначальными слугами громаднаго комп-
лекса нейроновъ мозга, который у чело-
вѣка вѣситъ отъ $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{3}{4}$ килогр., и
состоитъ изъ разнообразнѣйше скомби-
нированныхъ системъ тончайшихъ и
сложнѣйшихъ другъ на друга, туда и об-
ратно дѣйствующихъ, нейроновъ. Это
можно сравнить съ живой, очень сложной
динамомашинной, которая однако раздѣлена
на такое безконечно большое количество
единичныхъ, другъ на друга вліяющихъ,

то самостоятельно, то совместно дѣйствующихъ отдѣловъ, что наши попытки въ нихъ разобратся до сихъ поръ увѣнчались лишь частичнымъ успѣхомъ. Необыкновенная тонкость и сложность мѣне обуславливаются количествомъ клѣтокъ, чѣмъ количествомъ и тонкостью фибрилярныхъ скрѣпленій нейроновъ. Не взирая на это, успѣхи анатоміи мозга и гистологіи въ послѣдніе 20 лѣтъ громадны и этому способствовали методъ атрофіи моего, къ сожалѣнію такъ трагически умершаго, шефа и учителя v. Gudden, его и работы его учениковъ.

Между мозгомъ и периферическими нейронами лежитъ спинной мозгъ (у человека) и подчиненныя части мозга, (малый мозгъ, *Medulla oblongata*, *Thalamus opt.* и т. д.) которые представляютъ собою промежуточные комплексы нейроновъ, филогенетически болѣе старшихъ, и по-

тому у низшихъ животныхъ, играющихъ сравнительно большую роль. У животныхъ съ меньшимъ, большимъ мозгомъ (у кролика напр.) эти органы болѣе дѣятельны и самостоятельны, чѣмъ у человека, у котораго они низведены до подвѣдомственныхъ слугъ при необъятной дѣятельности большого мозга. (Смотри устройство мозга: Déjerine Anatomie des Centres nerveux, Paris 1894 ст. 1901, и Oskar' Vogt'—Atlas, Iena 1902).

Правъ былъ Isidor Steiner указавъ, что физиологическій мозгъ животныхъ, не взирая на его морфологическую гомологию, представляетъ самый могущественный нервный центръ, свыше управляющій всѣми другими центрами, а потому всѣми движеніями. Онъ доказалъ, что у большинства рыбъ эта роль принадлежитъ не большому мозгу, но болѣе развитому у этихъ животныхъ среднему

мозгу. Отсюда вытекаетъ, что высшее направленіе рыбьей души лежитъ въ среднемъ мозгу.

Важны для насъ результаты Hodge, который показалъ, что, если долго и сильно раздражать нервъ, то въ его первичныхъ клѣткахъ подь микроскопомъ ясно видно будетъ измѣненіе, вызванное переутомленіемъ. Schiller, затѣмъ далѣе, въ моей лабораторіи доказалъ, что количество нервныхъ элементовъ извѣстнаго нерва, который онъ взялъ для примѣра, у новорожденной кошки почти такое же, какъ у взрослой и, что значительная разница въ объемѣ исключительно зависитъ отъ увеличенія въ 6—7 разъ влагалища *сердцевинны* въ теченіи всей жизни. Hodge говорилъ мнѣ, что онъ получалъ тѣ же результаты. Онъ узналъ также и качественное измѣненіе нервныхъ элементовъ подь вліяніемъ старости. Наконецъ пато-

логія и экспериментъ доказываютъ, что послѣ рожденія разрушенные элементы центральной нервной системы (не периферическіе ганглии), по крайней мѣрѣ у позвоночныхъ животныхъ, никогда больше не восстанавливаются; разрушенное мѣсто остается. Всѣ эти данныя говорятъ съ положительностью въ пользу того, что въ центральной нервной системѣ, въ теченіи поэмбриональной жизни не образуются новые элементы, новые нейроны, и что не количество ихъ увеличивается, а вырастаетъ только ихъ *сердцевинное влагалище*, ихъ длина и развѣтвленія т. е. фибриллы. Мы стало быть и въ старости и въ дѣтствѣ работаемъ тѣми же нейронами и отсюда намъ понятно почему удерживаются памятные представленія (Epigramme).

Дѣятельностью нейроновъ въ живомъ мозгѣ, нервныя клѣтки не только разно-

образно комбинируются, координируются, соединяются и разъединяются, но онѣ либо усиливаются, либо задерживаются. Физиологи говорятъ о задерживающихъ и усиливающихъ раздраженія аппаратахъ, или о центрахъ въ тѣлѣ клѣтки ганглія. Ехнеръ въ противоположность слову задержанія ввелъ слово прохожденіе—«*Vah-pung*». Oskar Vogt¹³⁾ указалъ какъ, согласно закону Weber'а, при сильныхъ раздраженіяхъ наступившая иррадіація, прохожденіемъ проламываетъ первичныя преграды и потомъ вызываетъ полный отливъ нейрокима въ сторону легче возбуждаемыхъ центровъ. Загадкой остается природа нейрокима, нервной волны, объясненіе его дѣятельности и его вліяніе. Последнее мы на насъ самихъ познаемъ въ отраженіи собственнаго сознанія и на другихъ, частью прямымъ наблюденіемъ, частью выводомъ, къ кото-

рому мы приходимъ на основаніи ихъ показаній, ихъ мимики и т. д.

Когда психологія и фізіологія мозга еще ничего не знали, они придумали слова, которыя основывались на чисто внутреннихъ наблюденіяхъ, не обращая вниманія на дѣятельность мозга: ощущеніе, представленіе, наблюденіе, чувство, желаніе и т. д. Исходя отъ наблюденій надъ нервами лягушки и т. д., часто не считаясь съ гистологіей и анатоміей нервной системы, фізіологія въ свою очередь создала нервно-фізіологическую рѣчь, которая, въ противоположность мнимому субъективизму психологовъ, должна была казаться объективной. И нынѣ еще многіе психологи и фізіологи нервной системы полагаютъ возможнымъ оставаться на этомъ пути и этихъ словахъ. Мы считаемъ это жалкимъ заблужденіемъ, которое слѣдовало бы оставить. Доводы нами уже приведе-

ны ¹⁴). Ежедневно возрастающее сознание все болѣе убѣждаетъ насъ, что психологія и фізіологія мозга, есть только два вида наблюденій одной вещи и оно ведетъ насъ къ усиленному, комбинированному изученію обѣихъ спеціальностей, къ изученію психофізіологіи. Подсознательныя и автоматическія дѣятельности большого мозга представляютъ обширное поле мѣняющихся соотношеній между психологіей и фізіологіей мозга.

Эксперименты на гипнотизированныхъ намъ напр., показываютъ какъ можетъ наступить одинаковое психологическое происшествіе съ явно для насъ сознаннымъ или же нами не сознаннымъ внутреннимъ созерцаніемъ (въ смыслѣ нашего человѣческаго сверхсознанія). О другихъ формахъ явленій сознанія поговоримъ ниже.

Ученіе о локализациі въ мозгу и соотвѣтственные эксперименты на животныхъ,

очаговья заболѣванія человѣческаго мозга, болѣе глубокое изученіе душевныхъ болѣзней, уголовная антропология и ея отношеніе къ психіатріи, ученіе внушенія, ученіе сна, ученіе развитія нормальной и болѣзненной души ребенка, родившихся слѣпыми и т. д., даютъ намъ еще безчисленное количество указаній, которыя отчасти показываютъ, какъ мозгъ функционируетъ, и какъ душа мѣняется подъ вліяніемъ измѣненій въ мозгу, то частично, то въ общемъ, то центрипетально, то центрально, то центрифугально (движеніе), то въ одномъ или другомъ направленіи. Все чаще и яснѣе отсюда вытекаетъ, что мѣстные мозговые дефекты вызываютъ только мѣстныя измѣненія души и нервовъ, что распространенныя, общія заболѣванія большого мозга въ общемъ нарушаютъ дѣятельность души, и что высшая душа человѣка исключительно зависитъ

отъ большого мозга. Измѣненія или разрушенія спинного мозга, малаго мозга, мозгового ствола не измѣняютъ психическихъ функцій, если большой мозгъ остался невредимъ, за то психическія функціи нарушаются, если такія же измѣненія имѣются въ большомъ мозгу. Маленькіе дефекты въ мозгу вызываютъ лишь мѣстные или частичныя, часто недоказанныя измѣненія душевной жизни, что собственно легко понятно ¹⁵).

Старое психологическое ученіе душевной силы нынѣ считается похороненнымъ. Ощущеніе напр. происходитъ въ большомъ мозгу, очевидно на мѣстѣ прихода нервной волны, вышедшей отъ периферическаго раздраженія нерва. Здѣсь она встрѣчается съ другими координированными волнами и вызываетъ множество соединенныхъ нейрокимовъ, которые въ ослабленномъ видѣ, такъ сказать въ дремотѣ, какъ

воспоминанія продолжают колебанія въ нейронахъ, или въ иномъ еще гадательномъ видѣ держатся на готовѣ для возбужденія. Эти остатки воспоминанія находятся между собою въ разнообразной, но упорядоченной и гармонической связи, такъ называемой ассоціаціи. Будящая волна оживляетъ, усиливаетъ и частью измѣняетъ общій соединенный комплексъ.

Это въ свою очередь вліяетъ на другіе ряды то задерживающе, то усиливающе. Усиливающія волны, которыя возбуждаютъ большой центрафугальный, такъ-называемый пирамидальный путь мозга, создаютъ импульсы воли и вызываютъ движенія. Волевые импульсы, которые не исполняются, суть такіе центрафугальные остатки, которые еще до возбужденія нейроновъ пирамидальнаго пути задерживаются. Если мы приблизительно такъ себѣ представимъ процессъ мышленія въ мозгу, то

все же не должны забыть, что нейрокиды имѣютъ еще и другія формы дѣятельности, которыя должны различаться не только по группировкѣ возбужденныхъ нейроновъ, но въ соотвѣтствіи съ продолжительностью и силой движенія волны. Какъ напр. вызываются волны афекта въ мозгу еще совсѣмъ не ясно.

Весьма важенъ слѣдующій фактъ. Дѣятельность нейрокида можетъ быть репродуктивна, т. е. старую уже дѣятельность, вслѣдствіе безчисленныхъ повтореній ставшую автоматической, можетъ идентично или почти идентично повторять. Но она наоборотъ можетъ быть пластической, т. е. обновляющей и комбинирующей, въ виду того, что разнообразныя нервныя волны необыкновеннымъ образомъ сталкиваются и, особенно, побужденныя новыми наружными мысленными раздраженіями или комбинаціями раздраженій, можетъ вызвать

новыя комбинаціи, новыя комплексы нейрокимовъ въ нейронахъ мозга. Это послѣднее явленіе сопровождается болѣе усиленнымъ напряженіемъ, которое мы называемъ вниманіемъ и является болѣе интенсивнымъ въ нашемъ обыденномъ сознательномъ отраженіи.

Съ этими сейчасъ указанными фактами стоятъ въ тѣсной связи два ряда біологическихъ явленій:

1) фактъ, что чисто автоматически-репродуктивная дѣятельность нейрокима, какъ таковая, и въ цѣломъ можетъ быть унаслѣдована безъ того, чтобы быть изучено индивидуумомъ. Одно раздраженіе сознанія достаточно, чтобы вызвать всю цѣпь. Это какъ извѣстно называется инстинктомъ ¹⁶⁾.

Напоминаю о немедленныхъ прыжкахъ и удачномъ клеваніи зернъ только что вылупившейся изъ яйца курицы, о без-

численныхъ инстинктахъ насѣкомыхъ и т. д. Мы должны отсюда заключить, что полученная группировка и комбинація живыхъ молекулъ, изъ которыхъ впоследствии образуется мозгъ, достаточна для болѣе или менѣе полнаго опредѣленія унаслѣдованныхъ послѣдующихъ автоматическихъ комплексовъ дѣятельности.

Такимъ образомъ можетъ быть достигнутъ такой же процессъ автоматизированія черезъ унаслѣдованіе въ теченіи поколѣній и черезъ приученіе повтореніемъ, въ теченіе человѣческой жизни ¹⁷).

2) Фактомъ является то, что очень сложные, унаслѣдованные автоматизмы могутъ быть достигнуты малымъ количествомъ нервныхъ элементовъ, въ то время какъ лишь большія количества мозговой субстанціи допускаютъ увеличенную индивидуальную пластическую дѣятельность нейрокима. Вспомнимъ только слож-

ные инстинкты муравья, при его относительно очень большомъ, но все же абсолютно маломъ мозгу. Сравнимъ болѣе пластичную мозговую дѣятельность вороны съ той, скорѣе большей дѣятельностью курицы, причемъ мозгъ вороны значительно больше, чѣмъ мозгъ курицы. Величина тѣла естественно сама по себѣ требуетъ многіе мозговые элементы и должна быть приблизительно одинакова, чтобы допустить такія сравненія.

Присовокупимъ еще, что многія пластическія качества дѣятельности нейрокіма, почти исключительно унаслѣдованы, но лишь какъ способность, которую индивидуумъ развиваетъ и на дѣлѣ доказываетъ, или не развиваетъ и не доказываетъ, смотря по обстоятельствамъ.

Это факты, а не гипотезы. Изученіе филогенетической эволюціи животнаго міра приводитъ насъ къ увѣренности, что най-

первичнѣйшая дѣятельность нервной волны больше всего пластична ¹⁸⁾, что она, однако, при маломъ количествѣ элементовъ и высокихъ запросахъ, ведетъ къ образованію одностороннихъ автоматизмовъ. Впрочемъ объ дѣятельности лишь относительно различны. Въ насъ самихъ мы при всякомъ изученіи можемъ наблюдать постепенный переходъ одной въ другую (дѣятельность), какъ центрифугально и центрипетально (техническая ловкость и воззрѣніе), такъ и центрально (отвлеченное мышленіе). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что пластическая фантазія, взвѣшивающій разумъ, тонкія высшія этическія и эстетическія чувства и проистекающіе изъ нихъ высшіе волевые импульсы, принадлежатъ къ высшей пластикѣ мозговой дѣятельности.

Мы теперь вкратцѣ должны коснуться дѣленія, которое создало большое за-

мѣшателство, а именно: пространственной и временной ограниченности поля нашего сознанія. Сознаемъ мы лишь часть нашей мозговой дѣятельности, въ большинствѣ случаевъ это самыя сильныя пластическія дѣятельности, сопровождаемыя вниманіемъ. Было-бы однако глупо изъ этого выводить, что явленіе внутренняго отраженія, субъективизма, само по себѣ ограничивается лишь внутреннимъ содержаніемъ сознанія собственнаго «Я». Ученіе гипнотизма, сна и сновидѣній даетъ намъ ключъ къ этому явленію. Направляю читателя къ соотвѣтственнымъ специальнымъ работамъ. Здѣсь вкратцѣ укажу, что у многихъ гипнотизированныхъ произвольно можно изъять цѣльныя психическія цѣпи изъ памятнаго сознанія, не взирая на то, что онѣ немного раньше были созданы и, обратно такія, какія въ моментъ перваго возникновенія были не созданы, можно

впослѣдствіи довести до сознанія. Фактъ такъ называемой двойной личности извѣстныхъ сонамбуль, знакомъ. Я ихъ самъ наблюдалъ. Дѣло здѣсь просто сводится къ двумъ болѣе или менѣе независимымъ динамическимъ комплексамъ въ томъ же мозгу, изъ которыхъ каждый имѣетъ особое внутреннее отраженіе (Introspektion), причемъ однако одно отраженіе никогда другому не дѣлается извѣстно (или лишь одно другому, но не обратно ¹⁹). По обыкновенію мы имѣемъ также раздѣленное сознаніе для цѣпей нейрокимовъ нашей бодрствующей дѣятельности и той нашихъ сновидѣній во снѣ; эти послѣднія вообще очень обрывчаты. Стоитъ лишь надъ этими фактами нѣсколько призадуматься, чтобы убѣдиться, что выраженія «сознательно» и «безсознательно», безъ сомнѣнія основаны на неправильныхъ представленіяхъ. То, что намъ кажется безсозна-

тельнымъ, лишь оторвано отъ нашей сознательно-памятной главной цѣпи мозговыхъ волнъ, т. е. она болѣе не памятно-сознана, или никогда не была сязана съ ея внутреннимъ отраженіемъ.

Отсюда мы заключаемъ, что существуетъ столько отраженій сознанія, т. е. интроспекцій, сколько существуетъ достаточно функціональных и анатомически раздѣленныхъ рядовъ дѣятельностей нейрокимовъ. Мы поэтому не только нашему большому мозгу должны приписать отраженія сознанія, но и всѣмъ другимъ отдѣламъ нервной системы, которымъ онѣ подвѣдомственны и которыя, какъ субъективно, такъ и объективно вполнѣ неизвѣстны. Наше обыкновенное человѣческое сознаніе въ состояніи бодрствованія, мы должны были лучше всего назвать сверхсознаніе.

Эти соображенія свободно насъ приво-

дять къ нашей монистической исходной точкѣ. Также какъ филогенетическій зародышъ ²⁰⁾ нервной системы надо искать въ эпителиальныхъ клѣткахъ и зародышъ этихъ клѣтокъ въ амѣбовидныхъ существахъ, то тоже относится къ филогенетическому зародышу нервной волны (Neurogen). И, кажется мнѣ, мы должны тоже относить и къ филогенетическому зародышу души, такъ какъ она соотвѣтствуетъ этой вещи, какъ мозгъ и его нейрокимы ²¹⁾.

Растенія не имѣютъ нервной системы, нейроновъ, такъ что онѣ во всякомъ случаѣ не могутъ ничего, или мало проявить индивидуальныхъ душевныхъ явленій. У нихъ каждая клѣтка болѣе независима и скорѣе составляетъ особь, чѣмъ все растеніе ²²⁾. Мы, стало быть, душевное здѣсь скорѣе должны приписать единичной клѣткѣ, чѣмъ всему растенію. До

сихъ поръ мы для нашихъ утверженій имѣли положительныя естественно-историческія точки опоры. Но пропасть существующая между органической, живой природой и неорганической наукой, пока еще не заполнена. Потому предположеніе, что организованное первобытное существо происходитъ изъ неорганическаго вещества, что жизнь произошла изъ такъ называемыхъ физико-химическихъ происшествій, есть гипотезъ, но гипотезъ весьма вѣроятный.

Новыя изысканія физики и химіи въ свою очередь васъ болѣе приводятъ къ возврату отъ прежде признанныхъ силъ (электричество, свѣтъ, теплота и т. д.) и разныхъ «элементовъ», къ динамическому матеріальному единству. Нельзя тутъ не признать аналогіи: и здѣсь безконечная диверсификація изъ одной первобытной силы ²³).

Если выше указанные гипотезы правильны, то оттуда вытекает, что все первобытные силы организованных живых существ входят въ составъ неорганической природы, а потому входитъ и сила души. Это и есть общее найсильнѣйшее одушевленіе вселенной ²⁴⁾ (по Спиноза), которое приводитъ насъ къ нашему монистическому пониманію Бога. Само собой понятно, что зародышъ души органической клѣтки или таковой атома ²⁵⁾ не можетъ имѣть сложнаго, соединеннаго содержимаго сознанія, какъ душа большого мозга съ его безчисленными нейронами. Такъ какъ мы энергію и сознаніе не считаемъ разными вещами, но формами проявленія одинаковыхъ реальностей (въ нашемъ мозгу какъ нейрокимъ и интроспекція), то при этомъ взглядѣ вѣчный дуалистическій споръ между матеріалистами и спиритуалистами стано-

вится безпредметнымъ. Все есть душа и энергія. Первичнѣе и выше ни единое изъ этихъ неразрывныхъ понятій, такъ какъ онѣ одно. Душа атома однако можетъ быть только безконечно малой частью человѣческой души. Не такъ душа высшихъ животныхъ, которая матеріально, динамически и видимо по отраженію сознанія, очень сродна съ нашей, не взирая на противоположный взглядъ предубѣжденныхъ догматиковъ. Если антропоморфически обсуждать душу животнаго и вносить въ нее наши разсужденія представляется неправильнымъ, то не менѣе неправильно, какъ это картезіанцы дѣлаютъ, всѣ животныя души въ качествѣ автоматовъ противопоставить человѣческой душѣ. Конечно автоматизмы инстинктовъ преобладаютъ въ душахъ животныхъ, пластичность — въ душѣ человѣческой. Но послѣдняя имѣетъ достаточно автоматизмовъ,

и при душевныхъ болѣзняхъ она всецѣло можетъ стать автоматичной. Съ другой стороны все вновь забывается, что животныя души между собою неравны. Душа высшихъ обезьянъ (орангъ, шимпанзе и т. д.) необыкновенно пластична, способна къ развитію и воспитанію, надѣлена малыми инстинктами. Очень пластична также душа слона, собакъ, морскихъ собакъ, дельфиновъ. Но и у низшихъ животныхъ, съ болѣе сложными инстинктами, или безъ оныхъ, имѣется, при внимательномъ наблюденіи, легкая степень пластичности. L i b b o k приручилъ осу, а я плавающего жука. У муравья я доказалъ случаи пластической дѣятельности нейрокима. Но разница между пластичностью души насѣкомаго и орангъ-утанга безконечно больше, чѣмъ разница между пластичностью души орангъ-утанга и таковой человѣка, особенно еще низшей человѣ-

ческой рассы. Это отрицать, значитъ быть ослѣпленнымъ предубѣжденіемъ.

Въ «природа и откровеніе» (1891) па-теръ іезуитовъ, профессоръ *Erich Wasmann* ²⁶⁾ (см. также *Fogel: Biologisches Zentralblatt* № 14 и 15. 1905) пытался въ психологіи смѣшанныхъ муравьиныхъ обществъ, выступать противъ нашихъ взглядовъ. Его остроуміе однако его тутъ покинуло. Ему весьма нетрудно было побѣдоносно разбить и сдѣлать смѣшными поверхностныя антропоморфныя толкованія души животнаго *Вегетомъ* и *Вещепегомъ*. Чтобы отрицать интеллигенцію муравья, *Wasmann* требуетъ отъ этихъ насѣкомыхъ человѣкоподобныя разсужденія, которыхъ онѣ не могутъ проявить. Культурное развитіе должно, затѣмъ, быть критеріемъ интеллигенціи. Но темпъ человѣческаго культурнаго развитія у высшихъ народовъ скоро прогрессируетъ,

у низшихъ народовъ очень медленный. Высшія животныя укротимы и понятливы, что носитъ зародышъ культурнаго развитія. Высшія млекопитающія животныя несомнѣнно приобрѣтаютъ онытъ, которымъ онѣ пользуются и до извѣстной степени обучаютъ своихъ дѣтенышей. Прыжокъ оттуда къ первому зародышу низшаго человѣческаго культурнаго развитія уже не такъ великъ. Желая приблизиться къ этому вопросу, нельзя вдругъ сравнить муравья съ человѣкомъ, какъ это дѣлаетъ *Wasmann*. Надо осторожно прослѣдить скалу животныхъ и свои претензіи къ душѣ животнаго приспособить къ развитію мозга. Впрочемъ интимное сношеніе съ животными показываетъ у нихъ индивидуальныя характеры ²⁷⁾, какъ это *Delboeuf* у своей прирученной ящерицы наблюдалъ, прекрасно описалъ и мнѣ лично недвусмысленно продемонстрировалъ.

У эмбрионовъ одной породы животныхъ встрѣчаются зародыши таланта, генія, героевъ воли и обратно. Кто не знаетъ аристократовъ и пролетаріевъ среди собакъ и лошадей! Но и здѣсь слѣдуетъ воздержаться отъ антропоморфическихъ преувеличеній.

Мы должны еще указать на одно недоразумѣніе, которое въ послѣднее время очень часто встрѣчается.

У морфологовъ въ послѣдніе годы замѣчаются разные взгляды на факторы при трансформации видовъ и способъ его вліянія. Въ то время какъ Haeckel и Virchow напр. признаютъ унаслѣдованіе ²⁸⁾ качествъ отъ тканей неспособныхъ болѣе дать ростки, Weisman это отрицаетъ. На гипотезъ Darwin'a о естественномъ подборѣ также нападали. Неморфологи и неясные умы, предубѣжденные противъ трансформации часто также находили по-

водъ указать на несостоятельность эволюціонной теоріи. Это тяжелое недоразумѣніе. Основная мысль *Lamarck'a* и *Darwin'a*, что всѣ органическія существа другъ съ другомъ соплеменники и что медленно превращаяся эволюція его формъ идетъ отъ простаго къ сложному, такъ ясно доказана фактами изъ морфологіи животныхъ и растеній, что ее нынѣ болѣе нельзя назвать гипотезой, но нужно признать величайшимъ незыблемымъ пріобрѣтеніемъ Современной науки.

Мысли, которыя я сейчасъ развилъ витають болѣе или менѣе въ воздухѣ. Модная психологія уже очень отдалилась отъ неподвижной старой метафизики и все болѣе приближается къ естественной исторіи. Возникло большое число научныхъ работъ и соціальныхъ движеній въ смыслѣ сказаннаго, и прошу снисхожденія, если я многое забылъ, что другіе уже лучше

изложили. Я упомяну еще только попытку Sigmund Exner'a объяснить физиологически физическія явленія ²⁹⁾. Но мнѣ показалось умѣстнымъ, при настоящемъ положеніи нашихъ знаній о мозгѣ, его функцій и его болѣзней, здѣсь побесѣдовать о вопросахъ, касающихся его отношеній къ явленіямъ души.

Теперь мы должны торопиться кончить наши соображенія. Послѣднія, мнѣ кажется, показываютъ, въ какой тѣсной связи находится наука о человѣческой мозговой душѣ съ другими отраслями человѣческаго знанія и потому она способна насъ оберегать отъ односторонности спеціалиста. Желательно поэтому, чтобы изученіе естественнонаучной и экспериментальной психологіи, какъ и основы теоріи познанія преподавались на всѣхъ факультетахъ.

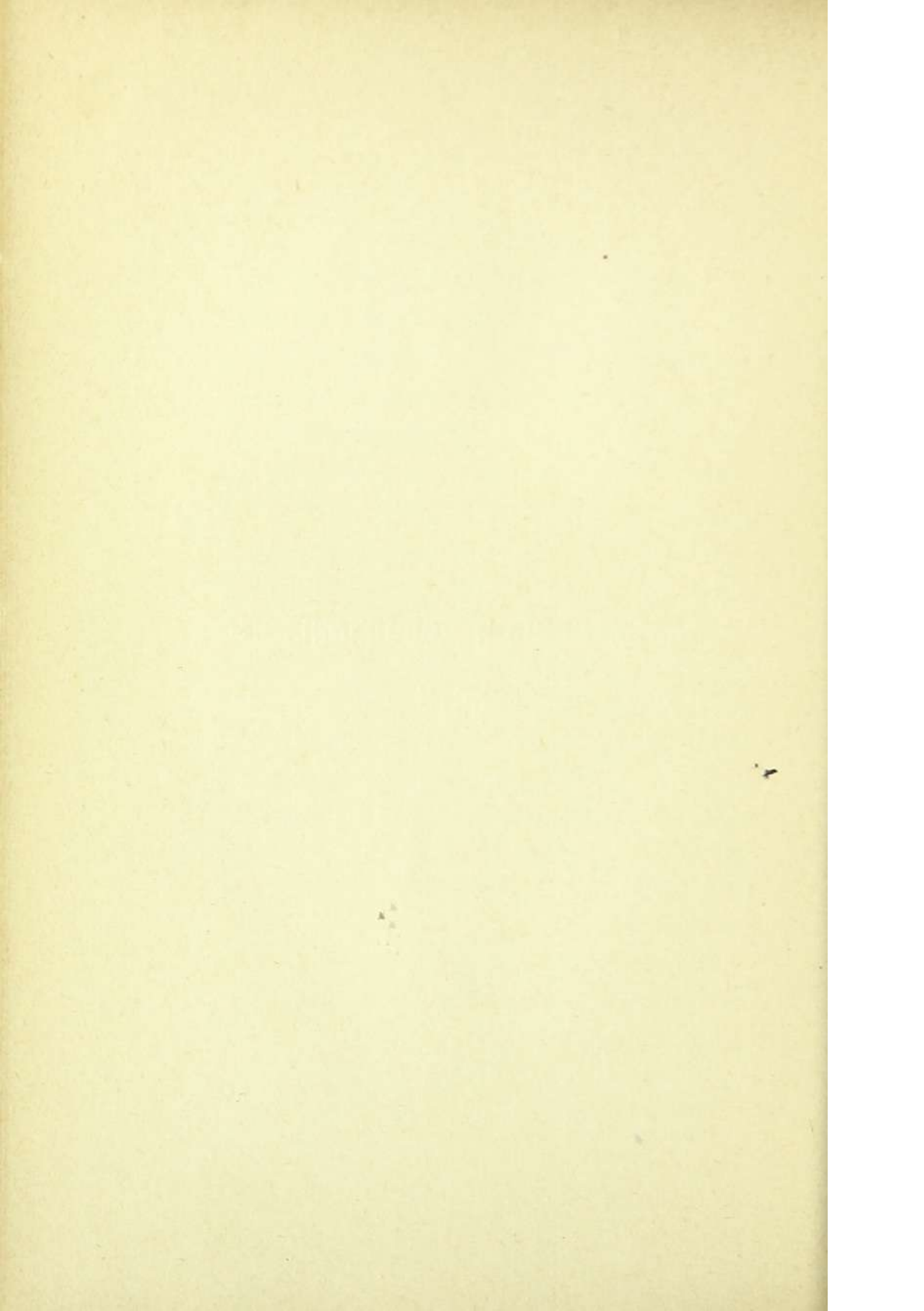
Эти соображенія затѣмъ далѣе все болѣе насъ приводятъ къ монистическому

міровому взгляду, который способенъ примирить религію и этику съ наукой, по крайней мѣрѣ ихъ опять приблизить. Для этого однако необходимо, чтобы теологія оставила свою догматичность вѣры и, чтобы естественноисторическая наука, особенно медицина, отказалась отъ циническаго матеріализма, основаннаго на чистой страсти къ наслажденіямъ. Не жалко бы право это было, ибо онъ человѣчество не ведетъ къ счастью, а къ прогрессивному душевному и тѣлесному вырожденію, путемъ алкогольнаго и иного отравленія, такъ тонко устроеннаго человѣческаго мозга. (Смотри нашихъ слабыхъ и избѣгающихъ міръ модныхъ пессимистовъ съ новѣйшей декадентской школой).

Мы протестуемъ противъ всякаго принужденнаго служенія идолу устарѣлыхъ, несостоятельныхъ, дѣтскихъ легендъ и догматическихъ представленій объ антро-

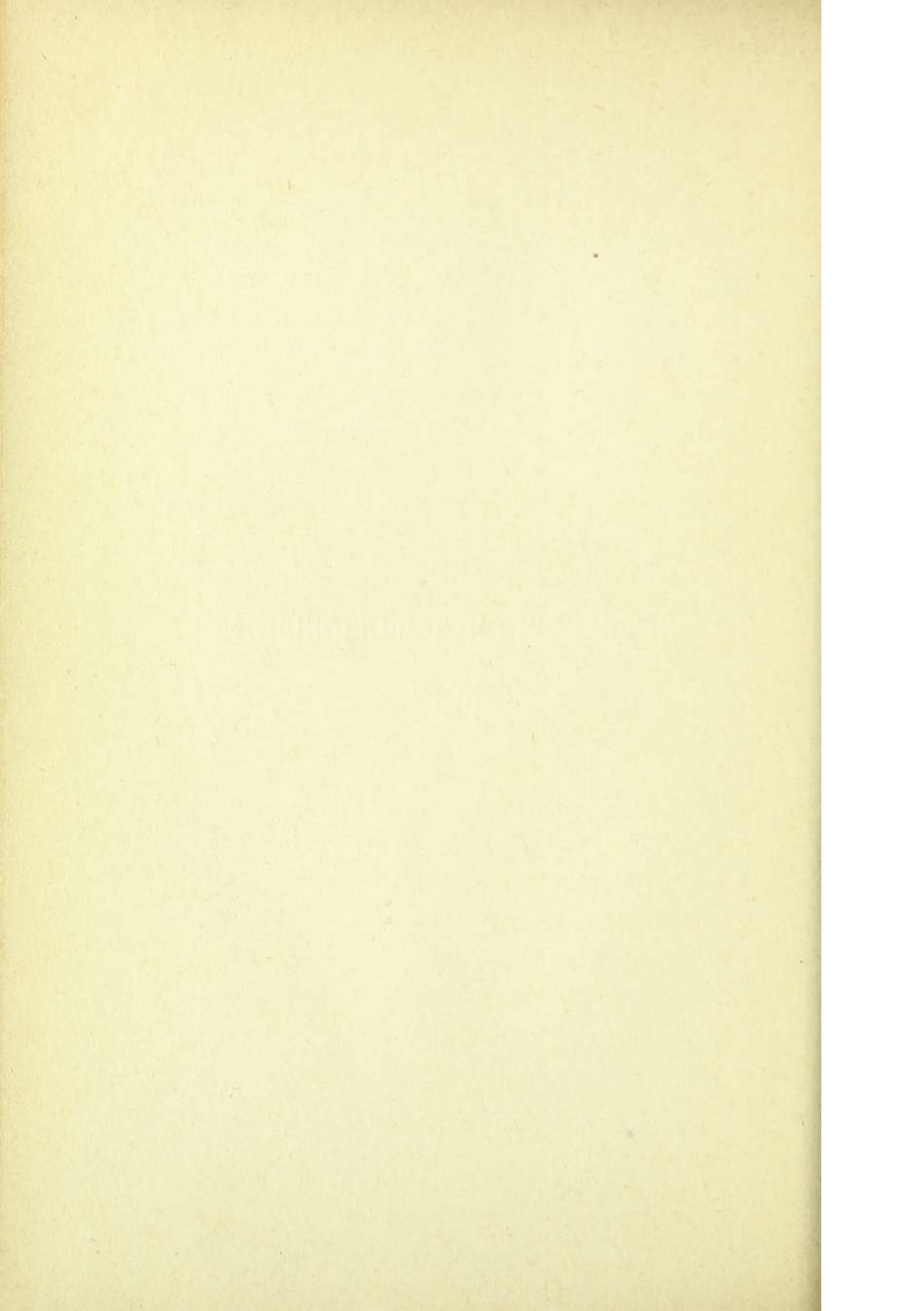
поморфныхъ качествахъ и о вмѣшательствѣ внѣшняго или личнаго божества, надѣленнаго человѣческими ощущеніями. Но зато мы удивляемся съ полнымъ смиреніемъ вѣчному, въ каждомъ міровомъ атомѣ обнаруживающемуся, но нигдѣ какъ Deus ex machina не появляющемуся, не постижимому всемогуществу вездѣсущаго «Бога» ³⁰⁾ который хотя не всегда всецѣло обнаруживается во всѣхъ проявленіяхъ міра, черезъ посредство ограниченнаго поля нашей познательной способности, частицы которой не должны бы имѣть смѣлость или манію величія думать, что они открыли существо, законы, причины и будущіе пути цѣлаго, или же даже себя объявить болѣе или менѣе его подобіемъ.

РАЗЪЯСНЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ КЪ
ТЕКСТУ.



1) Не личного, внѣшняго, но всемогущаго, сказывающагося въ порядкѣ вещей.

2) Религія, (т. е. религія народовъ) въ первичномъ значеніи есть дитя страха, говоритъ Stoll (Сугестія и гипнотизмъ въ психологіи народовъ, Лейпцигъ 1894, II изданіе 1904) и это всегда былъ и мой взглядъ. Боязнь неизвѣстнаго, всемогущаго, смерти, которые мы у всѣхъ высшихъ животныхъ уже находимъ или должны предположить, вызываетъ внушительно дѣйствующія представленія силы, стоящей надъ особою, силы, которая должна быть успокоена.



1) Не личного, внѣшняго, но всемогущества, сказывающагося въ порядкѣ вещей.

2) Религія, (т. е. религія народовъ) въ первичномъ значеніи есть дитя страха, говоритъ Stoll (Сугестія и гипнотизмъ въ психологіи народовъ, Лейпцигъ 1894, II изданіе 1904) и это всегда былъ и мой взглядъ. Боязнь неизвѣстнаго, всемогущаго, смерти, которые мы у всѣхъ высшихъ животныхъ уже находимъ или должны предположить, вызываетъ внушительно дѣйствующія представленія силы, стоящей надъ особою, силы, которая должна быть успокоена.

Эта сила, или вѣрные силы, для первобытной человѣческой души представляются въ видѣ не разгаданныхъ проявленій природы и даже въ видѣ близлежащихъ предметовъ (молнія, лѣсъ, вода, огонь и т. д.), которые ими такъ поняты. Они потомъ становятся антропоморфными эмблемами, которымъ приносятъ жертвы; имъ, смотря по обстоятельствамъ, то льстятъ, то угрожаютъ. Какъ собака передъ кнутомъ своего господина, такъ себя ведетъ дикарь передъ своимъ Богомъ.

Въ этомъ идолопоклонствѣ изъ боязни *однако кроется философская истина, а именно сознаніе слабости и скоропроходимости единичныхъ существъ передъ божественной міровой силой.* Дикій народъ инстинктивно чувствуетъ то, что культурный народъ потомъ анализируетъ.

Изъ этой примитивной религіи однако развивается, какъ это этнографія показываетъ, болѣе постепенно, цѣпи представленій, которыя исходятъ изъ сложныхъ отраженій.

Умиротворенное божество обѣщаетъ храброму человѣку, который ему угоденъ, не только счастья на землѣ, но и счастливой жизни послѣ смерти и обратно. Это представленіе прежде всего соприкасается съ культомъ предковъ.

Души покойниковъ переносятся вначалѣ въ близлежащіе предметы, потомъ дальше. И на этомъ зиждутъ всѣ виды рая и ада, созданныя разными религіями, и всѣ они болѣе или менѣе представляютъ наивныя, грубо плотскія, то больше одухотворенныя фантастическія картины, при которыхъ милое «Я», то въ томъ, то въ другомъ возрастѣ, переносится въ загробную жизнь. Самая остроумная легенда о «жизни послѣ

смерти», во всякомъ случаѣ, есть ученіе о переселеніи душъ, которую Weis mann прекрасно иллюстрировалъ въ своемъ ученіи о неразрывности зародышевой плазмы. Фактически мы вновь оживаемъ не только «душевно», но и «тѣлесно» въ нашихъ дѣтяхъ, ибо наши дѣти суть *прямое продолженіе* жизни маленькой, но очень существенной части нашего тѣла. Потому они повторяютъ въ разнообразныхъ соединеніяхъ жизненный циклъ своихъ предковъ и въ самомъ дѣлѣ представляютъ настоящее «продолженіе жизни послѣ смерти». Умираетъ лишь часть индивидуума, ставшая бесполезной, покончившая свое жизненное назначеніе. Въ этомъ смыслѣ мы на землѣ, по крайней мѣрѣ, долго бессмертны, и одновременно въ родствѣ съ природой. Въ этомъ утѣшительномъ сознаніи человѣкъ, который съ пользой жилъ, и работалъ на благо своихъ

ближнихъ и наслѣдниковъ, можетъ радостно умереть какъ ортодоксальный строговѣрующій, стремящійся во что бы то ни стало перейти въ рай. Онъ исполнилъ свой долгъ и его потомки продолжаютъ его жизнь.

Это приводитъ насъ къ этикѣ, которая религіозными догмами вѣры часто неправильно сплетена. Понятія «хорошо» и «худо» лишь второстепенны и относительны къ человѣку, онѣ сами по себѣ не существуютъ, но только какъ относительныя противорѣчія. Въ связи съ Богомъ они какъ теоретическія понятія не должны быть проведены безъ того, чтобы отсюда не проистекали неправильныя представленія. Въ міровомъ всемогуществѣ не можетъ быть противоположности между «хорошо» и «худо», ибо всемогущее «добро», какъ мы люди признаемъ понятіе «хорошо», не должно бы допустить

существованія «зла» безъ того, чтобы не уничтожить своего всемогущества. И метафизическое представленіе «добра» есть ничто иное какъ неуловимое ничто. Фактически не существуетъ ни хорошее, ни худое въ мірѣ и тамъ, гдѣ мы это принимаемъ, за ними кроются наши человѣческіе интересы и относительныя представленія, или мы должны признать, что намъ просто незнакомы цѣль и сущность соотвѣтственныхъ вещей. Даже боль и недовольство суть условія сохраненія жизни и наслажденія; несчастье одного часто способствуетъ счастью другого или всѣхъ. Что мы часто не понимаемъ существующей связи, не доказываетъ, что ее нѣтъ. Этика общежительнаго существа, какъ человѣкъ, основанъ на альтруизмѣ. Мы встрѣчаемъ въ строго общежительно устроенныхъ обществахъ низшихъ животныхъ, особенно у муравей, сильно

развитую инстинктивно автоматизированную этику (см. Forel: Fournis de la Suisse 1874). Одинъ и тотъ же фактъ можетъ быть хорошимъ и худымъ. Если кошка съѣдаетъ мышь, это хорошо для насъ и для кошки, худо же для бѣдной мышки. Не взирая на это, культура человѣческой этики, какъ и относительной эстетики, имѣетъ высокое соціальное значеніе, она, какъ извѣстно, является основой общества (1894).

3) Меня упрекали въ томъ, что я вношу путаницу, касаясь въ этомъ докладѣ понятій о Богѣ и религіи. Это я зналъ. Въ глазахъ спорщиковъ атеистически-материалистическаго лагеря, слова религія и Богъ такъ отождествовались съ вѣроисповѣднымъ суевѣріемъ и личнымъ идоломъ, что они стали «краснымъ плат-

комъ быка», и въ этомъ виновенъ спорный догматизмъ священника, однако не въ такой мѣрѣ въ сознаниіи народа и у этически лучшей части человѣчества. Эта послѣдняя скорѣе въ понятіи религіи вкладываетъ этику и идеаль, какъ вѣру. Зато она понятія атеизмъ, матеріализмъ, даже наука, связываетъ или отождествляетъ съ грубостью чувствъ, фривольностью и недостаткомъ этики. Обѣ части неправы. Ясно, здѣсь имѣются недоразумѣнія и смѣшенія понятій. Въ самомъ дѣлѣ, многіе, такъ называемые атеисты и матеріалисты—люди болѣе идеальные, душевные, съ болѣе тонкимъ чувствомъ и лучшей этикой, чѣмъ множество правовѣрно-религіозныхъ, но матеріально-эгоистичныхъ вѣрующихъ. Но надо же со мною согласиться, что честные религіозные люди въ религіи ищутъ правды, а не заблужденія и лжи. Ни у кого поэтому нѣтъ права

намъ мѣшать свести понятія и слова Богъ и религія къ истинно-философскимъ представленіямъ. Такъ, намъ скорѣе удастся объяснить вѣрующимъ людямъ, что они научное міровозрѣніе принимаютъ не за то, что оно есть и, что настоящая наука въ религіяхъ не можетъ и не желаетъ все опрокинуть. Либеральный протестантизмъ въ этомъ отношеніи давно приближается къ наукѣ (1894).

4) Натурально не въ смыслѣ слова этической, но должно быть понято въ дальнѣйше указанномъ смыслѣ.

5) Представленіе тоже только слово: міровую картину, которую мы получаемъ посредствомъ нашихъ чувствъ, во всякомъ случаѣ есть только недостаточная и относительная картина, дающая намъ возможность познать соотношеніе вещей,

Вмѣсто картина и представленіе, можно бы сказать, что нашъ душевный взглядъ на жизнь есть родъ символа настоящихъ міровыхъ вещей, есть рѣчь, съ которой они къ намъ обращаются. Въ этомъ значеніи (другими плохо истолкованномъ) я въ другомъ мѣстѣ наши міровыя познанія назвалъ *относительными и символическими*. Н. Спенсер уже пользуется словомъ *символическій* въ томъ же смыслѣ. См. также А. Вiese, «Die Philosophie des Metaphorischen», 1893 у L. Voss, и его прекрасную критику метафизическаго «Wechselbalges», названное «das Unbewusste» Hartman'омъ (1894).

6) Понятіе «Я» весьма неопредѣленная величина, ибо оно очень мѣняется не только отъ человѣка къ человѣку, но и у каждаго въ отдѣльности во время развитія его жизни. Я сегодня въ 46 лѣтъ

другой человекъ, чѣмъ въ 20 лѣтъ и въ 40 лѣтъ и буду еще болѣе инымъ черезъ 30 лѣтъ, если тогда еще буду живъ. Особенно мѣняется «Я» во снѣ, въ пьяномъ видѣ и очень осязательно при заболѣваніяхъ мозга. Безъ измѣненія въ «Я» лишь объективная нераздѣльность индивидуальной жизни. Если взять «Я» съ точки зрѣнія внутреннего опыта, то общую связь можно возстановить извѣстнымъ содержаніемъ памяти, но это содержаніе отрывочно и измѣнено обманами и придатками воспоминаній, что чисто субъективное «Я» ничто иное, какъ ломкое зданіе, которое часто имѣетъ больше украшеній и позолотъ, чѣмъ настоящаго содержимаго. Объективно потомѣи, какъ части, принадлежатъ еще къ «Я»! (1894).

7) Подъ словомъ сверхсознаніе (Oberwusstsein) я, вмѣстѣ съ M. Dessoir и

другими понимаю то, что называется человеческим сознанием въ состояніи бодрствованія. Но это не должно быть понято, какъ у Dessoir'a, какъ противопоставленіе подсознанію, а скорѣе многимъ подчиненнымъ отраженіямъ сознанія, или интроспекціямъ. Но объ этомъ впоследствии скажу больше.

8) Ненасытная, пластическая, кинетическая тенденція вселенной, которую Schopenhauer полагалъ возможнымъ сосредоточить въ человеческой волѣ, его заставило такъ расширить представленіе о волѣ, что онъ ее отождествилъ съ метафизическимъ міровымъ принципомъ. Ch. Secrétan'a «свобода» тоже должна быть понята въ этомъ смыслѣ, если ее привести въ связь съ принципомъ «эволюція», «пертурбація», медленной переменчивости такихъ, такъ называемыхъ за-

коновъ природы, которые вначалѣ казались регулярно циклическими, или математически неизмѣнчивыми (1894).

9) Всякое чувство, особенно чувство зрѣнія, слуха и осязанія даетъ нашему мозгу цѣпь представленій о вещахъ внѣ насъ. Всякая такая цѣпь пополняется и исправляется впечатлѣніями, которыя вещи внѣ насъ постоянно производятъ на известное чувство, а также и движеніями нашего тѣла, дозволяющими производить опыты, и сравненіемъ съ цѣпями другихъ чувствъ. Всѣми этими цѣпями пользуются для изслѣдованія естественныхъ наукъ.

Но эти представленія сравниваются и упорядочиваются внутренней дѣятельностью нашего мозга. Дѣятельность мозга это можетъ только сдѣлать путемъ воспоминаній (Engramme, по Семон'у), памятью. Наша мыслительная способность нами од-

нако почти исключительно познается ея внутренней (лично частично памятной) интроспекціей въ сознаниі. Ея элементы въ послѣдней инстанціи сводятся къ ощущеніямъ чувства, на ея союзные комплексы или наблюденія, также на движенія и ощущенія движенія. По чему же намъ прямое содержимое нашей внутренней сознательной работы, точно также какъ и то, которое, сравненіемъ результатовъ внѣшнихъ раздраженій, создало методы взвѣшиванія и измѣренія, не дѣлать предметомъ изысканія? Проф. Pilz напр, доказалъ вліяніе чистыхъ внутреннихъ представленій свѣта и тьмы на рефлексы зрачка. Такъ все болѣе приближаешься отъ отношенія субъективныхъ душевныхъ явленій, къ такъ называемымъ, объективнымъ мозговымъ явленіямъ. Говорю «такъ называемымъ», потому что фактически для насъ ничего чисто объективнаго не

существуетъ. То что мы называемъ объек-
тивнымъ, какъ мы видѣли, намъ зна-
комо лишь посредственно черезъ ощущенія
чувствъ. Всякое наблюденіе само, однако,
въ высокой степени субъективно окра-
шено, ибо оно при дѣйствительныхъ ощу-
щеніяхъ можетъ быть раздѣлено на ос-
татки прежнихъ комплексовъ ощущеній,
чьи асоціаціи или вѣрнѣе безсознательно
оставшіяся заключенія, оно сильно пере-
создаетъ. Намъ кажется, что мы внѣш-
ній міръ непосредственно душевно ощу-
щаемъ и не видимъ, что очки прошед-
шихъ мысленныхъ дѣйствій, многое при-
соединяютъ къ дѣйствительному комплексу
ощущеній и часто столько же отнимаютъ.
Это психологія давно доказала. Наконецъ
даже самое чистое элементарное ощущеніе
есть посредственно и субъективно. Мы
хотя и исправляемъ каждое чувство дру-
гими и выраженія чувствъ инструментами,

какъ вѣсы, масштабъ и т. д. Но и психологическія явленія съ теченіемъ времени будутъ болѣе точно наблюдаемы вспомогательными средствами.

Иначе это не обстоитъ и съ произвольными движеніями, черезъ которыя мы направляемъ и контролируемъ нашу дѣятельность чувствъ. Мы не замѣчаемъ скрытой игры существующихъ силъ въ глубинѣ нашей неизвѣстной мозговой жизни, которая (силы) безъ того, чтобы мы это замѣчали и отдавали себѣ отчетъ, безъ того, чтобы мы это «сознавали» показываютъ тончайшее наклоненіе вѣсовъ нашихъ, какъ будто свободныхъ рѣшеній воли. Тихо и скрыто, тысячекратно себя связывая и развязывая въ борьбѣ своихъ безчисленныхъ, антагонистически противодѣйствующихъ силъ, господствуютъ тѣ маленькіе моторы въ миллионахъ нѣжнѣйшихъ клѣтокъ, волокон-

цевъ нашего мозга, безъ того, чтобы, что либо другое, чѣмъ грубый синтезъ или концентрированный результатъ ихъ дѣйствій нами стало «сознаваться» т. е. сверхсознаваться. И эти результаты или синтезы намъ кажутся общими и свободными, потому что ихъ скрытыя составныя силы, изъ которыхъ онѣ состоятъ, уклоняются отъ нашего внутреннаго пониманія (1899, 1902 и 1906).

10) Подъ словомъ волна въ физикѣ понимаютъ тотъ родъ движенія, при которомъ молекулы кружатся, качаются, въ это время какъ все тѣло, которому они принадлежатъ, не мѣняетъ своего мѣста въ пространствѣ; лишь движеніе распространяется. Но извѣстно, что раздраженіе въ нервѣ также не вызываетъ перемѣны мѣста всего объекта въ пространствѣ, въ противоположность мускульному сокраще-

нiю. Напротивъ, много фактовъ говоритъ въ пользу того, что это раздраженiе вытекаетъ болѣе изъ химическаго происше- ствiя, чѣмъ изъ чисто механическаго ка- чанiя. Если же болѣе обстоятельно поду- маешь объ этихъ фактахъ, то станетъ яс- нымъ, что предположенное химическое из- мѣненiе прежде всего можетъ лишь быть скоропроходяще, и затѣмъ должно съ неимо- вѣрной быстротой передаваться черезъ осевой цилиндръ, вѣрнѣе черезъ фибрил- лы перва, совсѣмъ по образцу волны, безъ того, чтобы молекулы скоропроходяще вывести изъ равновѣсiя. Вмѣстѣ съ Н. Спенсег'омъ можно себѣ представить, что сущность этого состоитъ въ изомер- ныхъ разъединенiяхъ съ немедленнымъ затѣмъ наступленiемъ возстановляющаго синтеза, и что эта «изомерная волна», какъ Спенсег самъ выражается, такъ распространяется, какъ огонь въ порохо-

вой полоскѣ, съ той только разницей, что въ пороховой полоскѣ возстановленіе и волнообразная осцилліація не наступаетъ. Но какъ бы то ни было, остается яснымъ, что такое химическое происшествіе очень похоже на физическое качаніе волны и потому можетъ быть названо нервной волной, какъ по отношенію распространенія, такъ и возстановленія равновѣсія. Задержаніе и прокладываніе пути (Ehner) однако лишь измѣняющіяся происшествія нейрокима въ тѣлѣ гангліевой клѣтки или при столкновеніи его съ конечными деревцами (1894).

¹¹⁾ B e t h e и другіе (N i s s l только теоретически), казалось, одно время успѣшно подтверждали теорію A r a t h y. Но новыя методы окрашиванія и работы, какъ и эксперименты H a r r i s s o n 'а доказали ее несостоятельность. Даже послѣ разрушенія основанія фибритогенныхъ, по A r a -

h y, Schwann'овскихъ влагалищъ, двигательные осевые цилиндры (нервное волокно) произрастаютъ изъ ганглиевыхъ клѣтокъ (1906).

12) Эту игру можно бы еще лучше сравнить съ включеніемъ и выключеніемъ электрическихъ контрактовъ. Duval на такихъ предположеніяхъ основалъ гипотезу, по которой концы вѣтвей нейроновъ амѣбно двигаются. Оттаскиваніемъ назадъ этихъ концовъ онъ объясняетъ сонъ. Но противъ этого говоритъ скорость распространенія нервной волны и вдругъ наступающій гипнотическій сонъ, хотя въ новѣйшее время у живыхъ низшихъ животныхъ такія движенія были доказаны. Наоборотъ, Arathy и Nissl отвергаютъ нейронную теорію, ибо они будто наблюдали сращеніе конечныхъ деревцовъ соприкасающихся съ протоплазмой клѣтки, или даже внѣдреніе въ

нихъ фибрилловъ. Мы же должны замѣтить что, еслибъ даже эти авторы были правы т. е. въ самомъ дѣлѣ бы доказали послѣдующее склеиваніе концовъ деревцовъ съ тѣломъ клѣтки, къ которой они клонятъ, или внѣдреніе фибрилловъ въ протоплазму клѣтки, то это не измѣнило бы основного факта нейрона, а именно единства нервной клѣтки съ ея зубчиками и волокнами, какъ клѣточный элементъ, происшедшій изъ той же эмбриональной клѣтки. Соответственныя указанія Нis'a хотя тоже были оспариваемы. Но остается постоянный, неоспоримый фактъ общей дегенерации нейрона, т. е. клѣтки, если уничтожить волокно, или волокна, если уничтожить клѣтку (1902). Смотри, впрочемъ, послѣднее примѣчаніе и работу Haggison'a (1906).

13) Смотри взгляды Oskar'a Vogt'a

на существо и психологическое значеніе гипнотизма и динамики нейрокима въ трудѣ Forel'a: Der Hypnotismus. IV изд. 1902, bei Ferd. Enke, Stuttgart, также въ Zeitschrift für Hypnotismus 1895—96, (1899).

14) Смотри Forel: Die psychischen Fähigkeiten der Ameisen, Мюнхенъ у Ernst Reinhardt. 1901; также Forel: Naturwissenschaft oder Köhlerglaube in «Biologisches Zentralblatt», Juli 1905; u. Die Identitätstheorie als wissenschaftliches Postulat, тамъ же, Jubelband für Rosenthal 1906 (1906).

15) Понятно, что, если все прочее нормально функционируетъ, разрушеніе узко очерченной части большого мозга можетъ произойти безъ видимаго нарушенія. Каждая нейронная система состоитъ изъ большого количества нервныхъ кльтокъ съ

ихъ волокнами, и если только часть отсутствуетъ, другія могутъ вмѣсто нихъ вступить, такъ что явнаго нарушенія функціи не будетъ. Одноглазый вѣдь тоже еще видитъ внѣшній міръ, не взирая на то, что половина чувства зрѣнія уничтожена и часто его соотвѣтственный зрительный нервъ съ однимъ зрительнымъ центромъ въ мозгу впоследствии сморщились. Впрочемъ это зависитъ отъ мѣстности. Существуютъ части большого мозга, гдѣ маленькій очагъ можетъ вызвать большія нарушенія, если онъ совершенно разрушаетъ какъ разъ очерченную, но важную систему нейроновъ, будь это у тѣла клѣтки, или въ теченіи волокна. Постоянное тяжелое заболѣваніе мозга, которымъ всегда сопровождается распространенные процессы сморщиванія всего большого мозга (прогрессивн. параличъ, старческое сморщиваніе), если послѣдніе даже еще не очень сильно раз-

виты, является лучшимъ доказательствомъ сказанному (1894).

16) Между автоматической дѣятельностью готоваго инстинкта и чисто пластической обновляющей и комбинирующей работы, существуетъ весьма интересный и важный переходный рядъ, а именно «унаслѣдованныя способности». Никто самъ собой, унаслѣдованнымъ инстинктомъ не будетъ говорить по латински или играть на роялѣ. Но въ то время, какъ извѣстные люди показываютъ особенно выдающуюся виртуозность, т. е. такія вещи легко, скоро и отлично изучаютъ, мы у другихъ видимъ какъ разъ противоположное. Какъ инстинкты, и задатки проявляются въ разное время жизни. Существуютъ задатки, которые показываются лишь въ преклонныхъ лѣтахъ, точно также какъ извѣстныя тѣлесныя яв-

ленія (волосы на подбородкѣ) напр. тенденція къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, взглядамъ и т. д., которыя обыкновенно проявляются у членовъ извѣстныхъ семействъ въ извѣстномъ возрастѣ. Тщательное наблюденіе скоро показываетъ, что у разныхъ особей и видовъ различные наследственные задатки имѣютъ всѣ степени силы, отъ едва замѣтнаго расположенія до сильнаго, невольнаго понужденія, а это уже недалеко отъ готоваго инстинкта. Однимъ словомъ: унаслѣдованные задатки суть неготовые инстинкты. Такая же дѣятельность можетъ у одного животнаго быть готовымъ инстинктомъ, у другого задаткомъ, который требуетъ предварительнаго упражненія, напр. хожденіе у цыпленка и у человѣческаго дитяти. Существуютъ задатки видовъ, разнообразія и расовые задатки, (напр. предстояніе предстоящихъ собакъ) какъ и индивидуаль-

ные задатки. Человѣкъ со своимъ могущественнымъ мозгомъ, почти не имѣетъ готовыхъ инстинктовъ, исключая сосанія новорожденнаго. За то онъ имѣетъ много унаслѣдованныхъ автоматизмовъ, какъ глотаніе и т. д., много задатковъ, которые приближаются къ инстинкту, напр. хожденіе, рѣчь; еще больше расовыхъ и видовыхъ задатковъ и найчаще—семейные и индивидуальныя задатки. Чѣмъ индивидуальнѣе задатокъ, тѣмъ менѣе онъ фиксированъ, онъ болѣе подвиженъ и пластиченъ. Онъ сильно приближается къ индивидуальной, пластичной способности приравливаться, которой однако она даетъ болѣе положительную тенденцію.

Несчастливыми комбинаціями зародыша, но главнымъ образомъ непорченностью зародыша путемъ прямого отравленія, (Blastophthorie), особенно алкоголемъ, могутъ возникнуть нецѣлесообразныя, даже

паталогическіе задатки. При приобрѣтенныхъ нарушеніяхъ мозга мы видимъ, что «думать», «блуждать» и т. д. принимаютъ прогрессивный наследственный, автоматическій характеръ; пластичность все больше пропадаетъ, въ тоже время образуются вторичные автоматизмы.

Пластичность соотвѣтствуетъ такимъ образомъ способности приспособливаться къ непривычнымъ отношеніямъ. Она соотвѣтствуетъ истинной, такъ называемой «свободѣ», въ противоположность фиксированному приспособленію къ извѣстнымъ обстоятельствамъ готоваго инстинкта. Самый пластичный человѣкъ есть самый свободный человѣкъ; онъ будетъ въ состояніи приноровиться къ самымъ разнообразнымъ тяжелымъ обстоятельствамъ. Духовно онъ даетъ другимъ себя поучать, но не дастъ себя плѣнить предубѣжденными взглядами, готовыми теоріями, публичными мнѣніями и т. д. (1894—1906).

17) Необходимо, чтобы мы здѣсь сдѣлали краткій обзоръ основныхъ идей, новаго прославившагося труда Richard'a Simon'a (Die Mneme als erhaltendes Princip im wechsel des organischen Geschehens. Leipzig 1904 у Wilhelm Engelmann'a). Это сочиненіе даетъ намъ блестящее доказательство ученія Darwin'a, просто и ясно объясняетъ то, что до сихъ поръ исключительно естественнымъ подборомъ, съ большимъ трудомъ объяснялось, а именно, какъ сооружались морфологическія и фізіологическія усложненія организмовъ въ теченіи поколѣній.

Исходя изъ геніальной идеи Ewald Hering'a, инстинктъ есть такъ сказать родъ памяти, Simon важнѣйшими фактами изъ морфологической, біологической и психологической наукъ, доказываетъ, что дѣло тутъ касается не только аналогіи, но болѣе глубокаго тождества въ

томъ, что органически совершается. Дабы обойти психологическую терминологию, онъ основываясь на точномъ опредѣленіи понятія «раздраженіе», создаетъ нѣсколько выражений для полученныхъ общихъ понятій.

Раздраженіемъ онъ называетъ энергичное вліяніе на организмъ такого свойства, что она вызываетъ ряды сплошныхъ измѣненій въ раздражаемомъ веществѣ живого организма. Это измѣненное состояніе организма, которое длится такъ долго какъ раздраженіе, онъ называетъ «состояніе раздраженія». До воздѣйствія раздраженія организмъ находится въ первичномъ, а затѣмъ во вторичномъ безразличномъ состояніи.

Послѣ же того какъ раздраженіе перестало дѣйствовать и раздражающееся вещество живого организма, во вторичномъ безразличномъ состояніи оказывается дли-

тельно измѣненнымъ; тогда *Seton* говоритъ объ энграфическомъ вліяніи.

Само измѣненіе онъ называетъ *энграммъ*. Сумму, какъ унаслѣдованныхъ, такъ и индивидуально приобрѣтенныхъ энграммовъ живого существа онъ называетъ его *мнемой*. *Экфоріей* онъ обозначаетъ обратное вызываніе вновь всего состоянія возбужденія организма посредствомъ части соотвѣтственнаго раздраженія, или цѣлымъ, но ослабленнымъ раздраженіемъ.

Итакъ, энграммъ можетъ быть вновь всецѣло вызванъ или вновь воскрешенъ возвращеніемъ части первичнаго комплекса раздраженія, его создавшаго. Въ молодую неопытную собаку впервые мальчикъ бросаетъ камни. Двѣ группы раздраженій на нее дѣйствуютъ: а) оптическія (мальчики наклоняющіеся и бросающіе камни), б) болѣзненные (камни, которые его насти-

гаютъ). Обѣ вліяють *энграфически* на его мозгъ; ибо собака, которая на наклоняющихся людей раньше не реагировала, теперь убѣжитъ и будетъ выть, если кто либо наклонится и лишь только для вида бросаетъ камень. Энграммъ чувства осязанія *б* исключительно *экфорируется* черезъ повтореніе съ нимъ соединеннаго подлиннаго раздраженія *а*. Такимъ же путемъ представленіе о деревѣ въ ландшафтѣ часто достаточно, чтобы ассоціацій идей *экфорировать* весь ландшафтъ.

Энграммъ можетъ затѣмъ вновь быть оживляемъ ослабленнымъ возвращеніемъ подлиннаго раздраженія, его создавшаго, или какимъ либо похожимъ ослабленнымъ раздраженіемъ. Такъ, видъ фотографіи можетъ воскресить воспоминанія объ известномъ лицѣ. Известно, что сохраняющійся въ водѣ *Amblystoma* (родъ са-

ламандры), будучи личинкой (*Axolotl*), становится половоспособнымъ. Г-жа v. *Champlin* экспериментально доказала, что въ атанистическомъ рядѣ (*Amblystoma* или готовое животное) животныя, ставшія половоспособными, черезъ значительно меньшее воздѣйствіе посредствомъ воздуха, клонятъ въ атанистическій (*Amblystoma*) рядъ, чѣмъ потомки родителей личинокъ или предковъ. *Seaton* даетъ рядъ похожихъ примѣровъ, которые доказываютъ, какъ энграммы, которые въ теченіе многихъ поколѣній повторяются, накаплиючи дѣйствуютъ и такъ достигаютъ экфоріи, т. е. становятся наследственными.

Энграммы могутъ пространственно (*simultan*) быть связаны; тогда имѣются пространственные комплексы энграммовъ, такъ напр. тѣ, которые мы воспринимаемъ чувствомъ. Но они могутъ быть наследственно связаны, что особенно имѣетъ

мѣсто въ чувствѣ слуха и въ *онтогеніи*.
Главное различіе между пространственно
и наследственно связанными энграммами
то, что протранственные двусмысленно
равноцѣнно связаны, наследственные же
полярно неравноцѣнны. При сукцессіи *a*
b, *a* дѣйствуетъ гораздо сильнѣе на *b*,
чѣмъ *b* на *a* (сзади такимъ образомъ
слабѣе). Если я спрашиваю «умечоп»
вмѣсто «почему», вопрошаемый напр. не
сразу знаетъ, что «умечоп» есть пере-
вернутое «почему». При сукцессіи эн-
граммовъ случается часто, что два или
нѣсколько похожихъ энграммовъ болѣе
или менѣе одноцѣнно связаны съ преды-
дущими. Тогда *Semon* говоритъ о дихо-
томіи, трихотоміи и т. д. Но, такъ какъ
2 сукцедентныхъ энграмма одновременно
не могутъ быть экфорированы предыду-
щимъ, то наступаетъ то, что *Semon* на-
зываетъ очередной экфоріей, т. е. экфо-

рируется либо одно, либо одно из других наследственно соединенных энграммовъ. При такой очередности это иногда будетъ зависѣть отъ болѣе частаго повторенія одной вѣтви, что она чаще экфорируется чѣмъ другія, такъ напр. во второмъ стихѣ текста одной пѣсни, если она имѣетъ два изложенія, какъ въ известномъ стихотвореніи Goethe

На всѣхъ вершинахъ тишина, во всѣхъ
Лѣсахъ ты не слышишь дуновенія
Вершинахъ ты едва ли ощущаешь дуновеніе.

Такія очередныя экфоріи въ законахъ онтогеніи и наследственности играютъ выдающуюся роль (см. выше), ибо чаще повторяемая болѣе сильная вѣтвь энграмма самостоятельно экфорируется, въ то время какъ одна или остальные вѣтви бездѣйствуютъ. Но послѣднія могутъ при удобныхъ случаяхъ въ слѣдующемъ поколѣніи быть экфорированы.

Sherrin затѣмъ далѣе показываетъ, что такъ называемые процессы возстановленія у взрослыхъ животныхъ собственно говоря тѣ же, что и у зародышей, напр. экспериментальное производство цѣльнаго эмбриона изъ половины зародышевой клѣтки. При нормальныхъ обстоятельствахъ новооткрытая Polueubonia извѣстныхъ насѣкомыхъ представляетъ нѣчто родственное. Мы присовокупляемъ, что вторичная дегенерация и Giddens'овская вторичная атрофія нервной системы, при воздѣйствіи на эмбриональныя ткани, соотвѣтствуютъ отрицательной сторонѣ одинаковыхъ явленій (см. Forel: «Einige hirnanatomische Betrachtungen und Ergebnisse». Archiv für Psychiatrie Nervenkrankheiten, Januar 1887).

Выраженія «Engramm» «Eckphorie» соотвѣтствуетъ психологически извѣстнымъ происшествіямъ ассоціаціи и памяти.

Энграммы такимъ образомъ экфорируются. При каждомъ такомъ происшествіи цѣлое мнемоническое возбужденіе находится въ созвучіи съ одновременнымъ состояніемъ возбужденія новаго раздраженія. Это созвучіе *S e s h o n* называется «*N o t o r h o n i e*». Если между новымъ вліяніемъ раздраженія и между мнемоническимъ возбужденіемъ существуетъ несовпаденіе, то возстановить гомофонію стараются интроспективно—дѣятельность вниманія, онтогенетически—актъ регенераціи и филогенетически—приспособленіе.

Неопровержимыми данными *S e s h o n* показываетъ, что воздѣйствіе раздраженія вначалѣ прямо и относительно локализуется въ своемъ входномъ округѣ (первичный собственный округъ), потомъ же испускаютъ изъ себя лучи или прозвучать во всемъ организмѣ (не только въ нервной системѣ, ибо они дѣйствуютъ

напр. также и у растений *). Но *Semon* въ дальнѣйшемъ показываетъ какъ слабыя энграфическія вліянія послѣ безчисленныхъ повтореній (филогенетически послѣ безчисленныхъ поколѣній) могутъ дойти до экфоріи. Итакъ, возможность страшно медленнаго унаслѣдованія приобрѣтенныхъ качествъ, послѣ безчисленныхъ повтореній, можетъ быть доказана мнемоническимъ принципомъ безъ того, чтобы указанные *Weismann*'омъ факты оказались не достовѣрными. Ибо вліяніе скрещиванія и естественнаго подбора дѣйствуютъ конечно значительно скорѣе и сильнѣе измѣняющіи, чѣмъ лично унаслѣдованныя мнемоническія энграфіи. Последнія объяснили бы мутаціи *de Vries*'а.

Semon'омъ проведены эти понятія въ

*) Такимъ путемъ и зачаточныя клѣтки могутъ въ концѣ концовъ быть задѣты, хотя бы сильно ослабленной энграфіей.

морфологiи, бiологiи и психологiи, также какъ и новыя перспективы отсюда истекающіе. Помощью влiяній внѣшняго мiра работаетъ мнемоникъ, сохраняя и комбинируя, въ то время какъ естественный подборъ все плохо пригнанное уничтожаетъ. Настоящимъ строительнымъ матеріаломъ организмовъ являются раздраженія внѣшняго мiра. Признаюсь теперь, что согласенъ съ S e t h o p'омъ, допускающимъ этотъ способъ унаслѣдованія приобрѣтенныхъ качествъ. вмѣсто различныхъ туманныхъ неизвѣстностей мы имѣемъ передъ собою еще только одно, сущность мнемонической энграфіи.

Будущему предоставляется открыть корни мнемонической энграфіи въ физическихъ и химическихъ законахъ.

Прошу читателя прочесть самого S e t h o p'а, ибо его книга въ 353 страницы, полна фактамъ и доказательствами и пе-

редать ея сущность нѣсколькими предло-
женіями трудно.

Главное затрудненіе состоитъ въ пред-
ставленіи, какъ комплексъ мозговыхъ эн-
граммовъ, какъ таковой, можетъ внѣдриться
въ плазму зародышевой клѣтки. Но за-
труднительно иначе себѣ объяснить эти
факты, и новыя открытія физики намъ
вѣдь показываютъ безконечную сложность
и тонкость микрокосма.

18) Въ моемъ *Fourmis de la Suisse*
(Женева, 1874), я уже пытался это до-
казать у муравей. Автоматизмъ появляется
всегда какъ вторичный, фиксированный
продуктъ повторенныхъ пластическихъ при-
способленій, все равно происходитъ ли онъ
въ теченіи индивидуальной жизни или въ
зародышевыхъ силахъ. Это раздраженіе
впервые, въ новомъ видѣ вліяющее на
протоплазму, создаетъ пластическую ре-
акцію. Внезапно готово нарождающійся

автоматизмъ, это нѣчто неизвѣстное и едва ли вообразимое (1894).

19) Лунатичка засыпаетъ и затѣмъ забываетъ свою прежнюю жизнь. Она вновь принуждена учиться говорить, читать, писать и т. д., и при этомъ ея способности и ловкость значительно разнятся отъ предъидущихъ. Черезъ 2 года она вновь засыпаетъ и затѣмъ она послѣ пробужденія вспоминаетъ прежнее состояніе (первое) и забыла послѣдніе 2 года жизни. Къ ней вернулись всѣ прежнія ловкости и способности, но не тѣ, которыя она приобрѣла за послѣдніе 2 года. Такъ продолжается ея жизнь перемѣнчиво между этими двумя личностями, изъ которыхъ одна ничего не знаетъ о другой (знаменитый случай Макнишъ). Здѣсь раздѣленіе полное.

Въ другихъ случаяхъ сонамбула вспоминаетъ во второмъ состояніи всѣ при-

ключенія перваго, въ то время, какъ она въ первомъ состоянїи о приключенїяхъ втораго, ничего не знаетъ. Въ одномъ удивительномъ случаѣ ретроградной амнези, который я наблюдалъ, и который Max Naef описалъ, лунатикъ забылъ о 8 мѣсяцахъ своей жизни, изъ нихъ о многомѣсячной поѣздкѣ въ Австралію; путемъ внушенія я, послѣдовательно, все вновь могъ вернуть его памяти (см. Fogel: Нурпотизмъ, 4 изд. 1902).

Въ экспериментальномъ сонambuлизмѣ, который мы вызываемъ внушеніемъ, можно произвольно создать тотъ, или иной случай. Въ состоянїи бодрствованія, при такъ называемой разсѣянности, частично происходятъ аналогичныя, короткія выпаденія памятныхъ отраженій. Однажды я ѣздилъ въ коляскѣ, погруженный въ думы. Когда коляска проѣзжала мимо мѣста, гдѣ я по обыкновенію слѣзаю съ трамвая, чтобы

подняться на крутую пѣшеходную дорогу, я чувствовалъ, или мнѣ казалось, что я слѣзь и намѣриваюсь подняться на гору. Сознаніе, что сижу въ коляскѣ и ѣзжу, тотчасъ же исчезло изъ цѣпи моего сверхсознанія и замѣнено родомъ галюцинаціоннаго бреда, не взирая на то, что мой отвлеченный ходъ мыслей ничуть не былъ нарушенъ. Вдругъ я созналъ свой самообманъ.

Очень хорошо эти состоянія иллюстрируются слѣдующимъ экспериментомъ, который я предпринялъ (Fogel, Гипнотизмъ 4 изд. стр. 90).

«Слѣдующій съ двумя лицами часто произведенный экспериментъ, мнѣ кажется, имѣетъ значеніе. Одна изъ нихъ имѣетъ очень развитой этической характеръ и примѣрную любовь къ правдѣ, такъ что здѣсь и тѣнь преувеличенія изъ за одолженія, съ положительностью должна быть

исключена. Я внушаю вполне бодрой женщи́нѣ анестезію въ различныхъ частяхъ тѣла, затѣмъ я ее заставляю закрыть глаза, съ достаточною осторожностью предупреждаю возможность подъ вѣками быть видимымъ, и колю гипнотизированную въ трехъ намѣченныхъ мѣстахъ. Она увѣряетъ меня, что она абсолютно ничего не чувствуетъ и не знаетъ, что я съ нею дѣлаю. Теперь я ее усыпляю и внушаю ей электрической токъ, который такъ возвращаетъ чувство, что она тотчасъ послѣ просыпанія будетъ знать, что я съ нею дѣлалъ. Когда она проснулась, я ее спрашиваю, что я сдѣлалъ. Вначалѣ она съ трудомъ вспоминаетъ и не вполне точно находитъ мѣста, гдѣ я кололъ. Однако послѣ тщательнаго повторенія эксперимента, съ измѣненіемъ количества и мѣста пассивовъ, она эти мѣста скоро и точно находитъ, знаетъ также вполнѣд-

ствіи, что я ее кололъ. Могутъ возразить, что болѣе продолжительное раздраженіе осязательныхъ нервовъ все еще существовало и потому оно дополнительно достигло вновь связанной сознанный дѣятельности мозга. Дабы избѣгнуть этого возраженія, я тотъ же экспериментъ произвелъ со слухомъ, и бодрствующую лунатичку для извѣстныхъ опредѣленныхъ шумовъ сдѣлалъ вполне глухой. Впослѣдствіи я, внушеніемъ, въ мозгу уложенное «не-сознанное» звуковое впечатлѣніе, сдѣлалъ сознаваемымъ, и лунатички очень точно могли сказать, что я сдѣлалъ. Я ихъ обѣихъ спросилъ, какъ онѣ себѣ все это объясняютъ, и оба (независимо другъ отъ друга) утверждали, что онѣ должны предположить, что я чародѣйствую; онѣ абсолютно ничего не ощущали, или слышали, когда я ихъ кололъ или производилъ шумъ; впослѣдствіи же у нихъ вер-

нулось воспоминаніе о чувствованныхъ уколахъ и шумахъ. Это имъ совсѣмъ не понятно. Вегпһеіп въ направленіи отрицательныхъ галюцинацій успѣшно производилъ подобные же эксперименты. Отсюда явствуеть, какъ мнѣ кажется, въ противоположность теоріи Негзен'а, что наше обыкновенное сверхсознательное отраженіе, и сила, и качество мозговой дѣятельности не находятся въ опредѣленномъ другъ другу отношеніи, и что включенія и выключенія сверхсознательнаго отраженія болѣе зависятъ отъ сдѣланныхъ задержаній и связываній. Во всякомъ случаѣ этотъ экспериментъ доказываетъ, что и послѣ абсолютной анестезіи, съ бодрствующимъ сверхсознаніемъ, воспоминаніе о воспринятой боли можетъ быть переведено въ цѣпь сверхсознанія.

О внушенной поддѣлкѣ памяти при этомъ потому не можетъ быть рѣчи, что

лунатики очень точно опредѣлили качество, число и родъ впечатлѣній, не взирая на то, что я всегда при второмъ внушеніи избѣгалъ какого-либо намека на это. Oskar Vogt повторилъ и подтвердилъ эти эксперименты.

20) Wetterhan. (Отношеніе философіи къ эмпирической наукѣ о природѣ, Лейпцигъ Энгельманъ 1894), употребляетъ по Sachs'у, слово «рудиментъ» въ смыслѣ начала, но не обратнаго развитія. Это можетъ быть вѣрнѣе; но именно этого недоразумѣнія я боюсь. Его прекрасная работа появилась одновременно съ этимъ докладомъ (1899).

21) Мы не говоримъ о тѣхъ животныхъ клѣткахъ, которыя впослѣдствіи дифференцировались для другихъ цѣлей (мускульныя клѣтки, хрящевыя клѣтки и т. д.).

Онѣ несомнѣнно еще заключаютъ въ себѣ остатки первичной силы (наслѣдственной мнемы), но только не личной способности превратиться въ нервныя элементы съ нейрокимомъ и т. д. (1894—1906).

22) Хотя изысканія ботаниковъ и доказали передачу раздраженій отъ клѣтки къ клѣткѣ черезъ поры стѣнокъ клѣтки. Разница лишь относительная, но не абсолютная. (1894).

23) S. A. v. Veyder-Walberg: О единствѣ всѣхъ силъ, 1884; собств. изд. Graz, улица Гете 2.

24) Съ полнымъ правомъ мнѣ указывали, что раньше я этотъ извѣстный взглядъ называлъ ненужной спекуляціей. Я хотя сейчасъ и заявилъ, что это только гипотезъ, потому и спекуляція, но

долженъ отказаться отъ слова «не нужной», или же смягчить по крайней мѣрѣ, ибо эволюція органическаго міра требуетъ постановки этого вопроса по ея происхожденію изъ неорганическаго (1894).

25) Мнѣ возразили, что сознаніе можетъ быть абстракціей, взятой изъ сложной дѣятельности и поэтому не обязано какъ напр. глотательный рефлексъ содержаться въ клѣткѣ или даже въ атомѣ. На это можно возразить, что глотательный рефлексъ представляетъ собою отвлеченное, добытое изъ заключеній представленіе частичнаго и локализованнаго комплекса явленій, который при анализѣ распадается на составныя части: мышечная дѣятельность, нейрохимная и т. д. въ специальномъ мѣстномъ примѣненіи. При глотательномъ рефлексѣ намъ знакомы части тѣла и силы, которыя при-

нимаютъ участіе, также и сознаніе, которое мы получаемъ отъ явленій глотанія. Поэтому это не основное представленіе, но сплетеніе частичныхъ, послѣдующихъ представленій. Дѣло другое съ болѣе не анализируемымъ представленіемъ сознанія, которое находится въ основѣ всего нашего познанія. Такъ какъ оно въ «Я» представляетъ субъективно освѣщенную сторону, то ясно, что мы о его существованіи въ вещахъ внѣ насъ, можемъ судить лишь по аналогіи или по болѣе или менѣе вѣроятнымъ индукціямъ. Не все говоритъ за то, а не противъ, что это лишь основное представленіе и основное явленіе, но у простыхъ клѣтокъ онѣ конечно должны быть рудиментарными.

Часто ставили ощущеніе на мѣсто сознанія, какъ элементарное явленіе, но, если общее представленіе о сознаніи от-

сюда исключить, тогда изъ представленія ощущенія ничего болѣе не остается кромѣ работы нервовъ, вызвавшей это ощущеніе. Если объ амѣбѣ скажемъ, что она чувствуетъ, то мы надѣляемъ ее сознаниемъ, такъ какъ несознаннаго чувства нѣтъ (т. е. просто, въ смыслѣ нашего сверхсознанія). Чувство есть элементарнѣйшее намъ извѣстное содержимое сознанія. Движеніе это только форма энергіи и можетъ быть лишь включена въ это общее понятіе. Сознаніе же не можетъ быть вмѣщено ни въ какое другое представленіе. Даже относительныя понятія — пространство и время могутъ быть скорѣе подчинены общему понятію «качественное развитіе».

Я впрочемъ при этомъ случаѣ не могу въ достаточной мѣрѣ не предостеречь противъ гуманизированія понятій: клѣточная душа, клѣточное сознаніе, душа атома,

сознаніе атома. Это можетъ лишь касатъ-
ся силъ, которыхъ мы выводимъ изъ ло-
гическихъ причинъ, но онѣ однако не
имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ на-
шей человѣческой душой. Мы настоящимъ
образомъ даже не можемъ правильно вду-
маться въ душу нашихъ ближнихъ; въ
педагогii уже мы дѣлаемъ грубѣйшія
ошибки при сужденіи о душѣ ребенка, у
взрослаго же она совсѣмъ отвлеченна.
Душа высшихъ млекопитающихъ намъ съ
большимъ трудомъ и лишь частично до-
ступна. Душу насѣкомаго мы себѣ лишь
обрывчато можемъ сооритить. Остальное
же, еще ниже лежащее <знакомое>, еще
болѣе удаляется отъ индуктивныхъ изы-
сканій. (1894—1900).

26) Съ тѣхъ поръ появились 2 рабо-
ты, которыя требуютъ возраженія.

Въ самонадѣянномъ и нелогичномъ
сочиненіи, (можемъ ли мы муравьямъ и

пчеламъ приписать психическія качества? Archiv f. d. ges. Physiol. 1898) на основаніи само по себѣ красивыхъ, но односторонне истолкованныхъ и отчасти неточныхъ экспериментовъ, Albr. Bethe воображаетъ, что онъ доказалъ, что муравьи находятъ свою дорогу поляризаціей своихъ слѣдовъ; что они ничему не научаются и что все то, что не обучено есть лишь только рефлексъ; что муравьи являются лишь машинами рефлекса, въ то время какъ у извѣстныхъ высшихъ млекопитающихъ сразу проявляется «интеллигенція», «душа» (изъ ничего?) Bethe становится дуалистомъ на свой манеръ, не замѣчая этого. На ошибки мышленія и незнаніе первѣйшихъ философскихъ основъ, допущенныхъ Bethe, я потому считалъ бы лишнимъ останавливаться, что основы эти Wasmann'омъ (Психическія способности муравей. Штут-

гартъ 1899 у Егв. Негеле) мастерски доказаны и вообще весь вопросъ изложенъ съ такой же большой ясностью и подробностью, какъ и знаніемъ дѣла и опытностью. Эту прекрасную работу рекомендуемъ всѣмъ. Ея высокая лояльность и этическая осторожность еще увеличиваютъ ея цѣнность и облегчаютъ пренія.

Я уже указалъ 1886 (Ann. soc. ent. belg.) на контактное обоняніе у муравьёвъ и ихъ способность снимать топографическую карту пути. Позднѣе von Buttell Кеерен (пчелы, машины ли рефлексовъ? Biolog Zentralblatt 1900) для пчель и я (психическія способности муравей, München bei Ernst Reinhardt 1901, также чувства насѣкомыхъ, 1901, тоже издательство) для муравей подробно отвергли своеобразныя утвержденія Bethe и доказали ошибочность его наблюденій и толкованій. Антенное обоняніе муравей,

осъ и т. д. я назвалъ *топохимическимъ* чувствомъ обонянiя.

Все же *Wasmanп* дѣлаетъ ошибку, на которую мы должны остановиться, ибо она касается не муравей, но человѣка и высшихъ млекопитающихъ.

Wasmanп различаетъ 6 родовъ обученiя:

1) простое упражненiе движенiями рефлексовъ наслѣдственные автоматизмы.

2) сознательная разумная опытность животнаго (предполагаетъ присутствiе памяти). У муравей имѣется, что *Bethe* не понялъ.

3) способность изъ бывшаго опыта заключать о новыхъ состоянiяхъ. Ее одну *W.* называетъ интеллигенцiей и отрицаетъ ее у высшихъ млекопитающихъ, какъ и у муравей, ибо приписываетъ ее только человѣку.

4) Инстинктивное подражанiе поведенiю

другихъ существъ. Имѣется у муравей.

5) Обученіе животныхъ дрессировкой. Особенно у высшихъ животныхъ. У муравей также немного имѣется. Доказываетъ по W. интеллигенцію дрессирующаго человѣка, но не дрессированнаго животнаго.

6) Ученіе путемъ интеллигентнаго обученія. По Wasmann'у, только у человѣка.

Bethe проводилъ свою дуалистическую границу между высшими животными и безпозвоночными, Wasmann же напротивъ свою—между человѣкомъ и млекопитающимъ. Съ тѣхъ поръ Bethe сталъ радикальнымъ. Онъ теперь отрицаетъ всякую сравнительную психологію, «всякое заключеніе на психику по аналогіи».

Но раздѣленіе Wasmanна'а создано искусственными разрѣзами, которые въ природѣ отсутствуютъ. Рѣчь хотя и даетъ

человѣку возможность собирать и передавать приобрѣтенный опытъ, что ему по отношенію къ 3 и 6 даетъ громадное предпочтеніе. Въ этомъ мы согласны съ Wasmann'омъ. Въ самомъ дѣлѣ эти два пункта 3 и 6 находимъ далеко меньше выраженными у низшихъ народовъ. Мы видимъ даже у негровъ (африканскихъ), которые еще не самыя низкіе, что они скоро теряютъ свою цивилизацію и даже формы культурной рѣчи, когда они потеряли связь съ бѣлыми. Но не похожъ ли такой фактъ сильно на 4 и 5? Съ другой стороны Wasmann умалываетъ духовныя способности высшихъ млекопитающихъ, особенно антропоморфныхъ обезьянъ. Жалко, что болѣе не можемъ изучать языкъ *Pithecanthropus erectus*! Желалъ бы еще коснуться слѣдующаго наблюденія Geoffroy St. Hilaire по Romanes:

«Одинъ, не давно въ звѣринцѣ музея околѣвшій, Орангъ, когда наступалъ обѣденный часъ, постоянно открывалъ дверь комнаты, гдѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими лицами, онъ обѣдалъ. Такъ какъ онъ былъ слишкомъ малъ, чтобы достигнуть ключа дверей, онъ влѣзъ на веревку, качался и достигалъ послѣ нѣсколькихъ движеній ключа. Разсерженный такой пунктуальностью, его сторожъ однажды дѣлаетъ на веревкѣ 3 узла, такъ что Орангъ болѣе не могъ достигнуть ключа. Послѣ тщетной попытки Орангъ узнаетъ причину препятствія, влѣзаетъ на веревку выше 3-хъ узловъ, которые онъ въ присутствіи Geoffroy St. Hilaire распутываетъ. (Послѣдній самъ указываетъ на этотъ фактъ). Когда таже обезьяна пожелала открыть дверь, сторожъ далъ ей связку въ 15 ключей, которыхъ она до единнаго испробовала, пока не нашла на-

стоящаго. Въ другой разъ она воспользовалась данной ей желѣзной пряжкой, какъ рычагомъ. Послѣ терпѣливыхъ попытокъ, безъ того чтобы она видѣла, что тоже самое дѣлалъ человекъ, она самостоятельно открыла механическій принципъ винта, хотя и не таковой рычага». (Romaines, *L'Intelligence des Animaux*, переведено изъ франц. изданія).

Меня спросятъ: если это такъ, то почему Оранги не имѣютъ культуры? По той же причинѣ, по какой негръ и австраліецъ, если его воспитаютъ среди бѣлыхъ, изучаетъ высокую культуру и ей подражаетъ, но, предоставленный самому себѣ, ее теряетъ. Затѣмъ далѣе потому, что его мозгъ еще недостаточно высоко развитъ, чтобы образовать языкъ, и имъ же посредствомъ словъ создавать остающіяся, и передающіяся, слѣдующимъ поколѣніямъ, символическія отвлеченности.

Но всѣ подготовительныя ступени для этого готовы. Еще одинъ шагъ, одинъ *Pithecanthropos* въ живыхъ, и первые зачатки человѣческой рѣчи готовы. Слѣдующая ступень была бы—человѣкъ изъ долины Неандръ. Затѣмъ слѣдуютъ ведды, австралійцы и т. д. Этого вопроса я касался въ *«International Monthly»*. Burlington'a томъ IV № 2. Августъ 1901: *«Human Perfectibility»* и отсылаю къ этому труду.

Главная ошибка *Wasmann*'а заключается въ томъ, что онъ существованіе пункта 5, имѣющагося у высшихъ млекопитающихъ, въ душѣ муравья не допускаетъ. Остается незыблемымъ, что человѣкъ лишь частично можетъ дрессировать низшихъ животныхъ. Потому дрессировка высшихъ животныхъ доказываетъ не только интеллигенцію дрессирующаго, но и животного. Дрессировка эластическое

понятіе. W. несомнѣнно не правъ, ставя дрессировку Оранга или Шимпанзе на одну ступень съ дрессировкой курицы, бѣлки, или даже муравья. На сколько уже собака превосходитъ кошку или даже корову. И все же, принесла же однажды впервые кормящая кошка, одного изъ своихъ дѣтенышей изъ погреба, гдѣ было ихъ гнѣздо, черезъ окно обѣденной комнаты, на колѣни сидѣвшаго за столомъ брата моего, которому она была привязана. Послѣдній далъ дѣтенышу молока. Потомъ мать ему приносила всѣхъ дѣтенышей по очереди, своимъ ртомъ, и относила ихъ послѣ кормленія въ погребъ. Это я самъ въ первый разъ видѣлъ. Случилось это вполнѣ произвольно. Съ этого дня кошка ежедневно приносила своихъ дѣтенышей моему брату для комленія.

Недоказываютъ ли эти и сотни другихъ примѣровъ, что пунктъ 3 подходитя

также для высшихъ млекопитающихъ и не только для человѣка, какъ это *Wasmann* желаетъ. Онъ здѣсь пытается провести границу между интеллигенціей и инстинктомъ. Но это ему никогда не удастся, ибо такой границы въ природѣ не существуетъ.

Также и самъ человѣкъ, т. е. его мозгъ полонъ автоматизмовъ, стремлений и инстинктовъ, которые незамѣтно переходятъ въ его высшія пластическія душевныя качества: интеллигенція, фантазія, этика, эстетика. Послѣднія также «условны» и въ зависимости отъ мозговой дѣятельности, ибо онѣ также не что иное, какъ мозговая дѣятельность.

Самую большую ошибку, которую оба, *Bethe* и *Wasmann* дѣлаютъ, это та, что среди функцій центральной нервной системы они вносятъ контрастъ между представленіями: механика и интеллигенція.

Мы наоборотъ должны придерживатьсь,

1) что постепенность не есть противоположность.

2) что «механика» организованныхъ живыхъ существъ еще совсѣмъ намъ не знакома и такъ долго останется неизвѣстной, пока не удастся создать живую протоплазму изъ неорганическихъ матерій. То, что намъ знакомо, это механическое отправление мускуловъ и др., но не «предположенный» механическій процессъ жизни. Такъ мы ничего не знаемъ о внутреннемъ «нервномъ механизмѣ» рефлекса; мы лишь знаемъ анатомическій способъ его совершенія.

3) Что поэтому высшія движенія души человѣка находятся въ болѣе близкомъ родствѣ съ такъ называемымъ рефлексомъ физиологіи, т. е. съ самой простой дѣятельностью нервныхъ центровъ, чѣмъ съ «механикой». Можно найти всѣ от-

тѣни рефлекса, до высшихъ рѣшеній воли включительно, но не найти таковыхъ между амебой и высшими сложнѣйшими химическими молекулами, или сложнѣйшими механическими происшествіями.

Въ болѣе обширной статьѣ (инстинктъ и интеллигенція въ царствѣ животныхъ, Фрейбургъ, Гердеръ 1897) Wasmann попытается это опровергнуть. Но это ему не удалось. Я указываю для этого на мою статью: Human Perfectibility, l. c. (1899—1902).

27) Я даже среди муравей одной и той же колоніи могъ наблюдать намеки на личныя разнообразія характера; одни были болѣе раздражены, другіе болѣе дѣтельны, третьи болѣе лакомы; были болѣе трусливыя и болѣе храбрыя, болѣе подвижныя и болѣе флегматичныя особи.

Я также доказалъ перемѣчивость поведения муравей.

28) Вслѣдствіе установленія мутаций de Vries'омъ и мнемотеоріей Semon'a кажется происходитъ скрытое наслѣдованіе приобрѣтенныхъ качествъ, путемъ накопленной энграфіи, что никоимъ образомъ не понижаетъ важности конюгаціи и сортировки. Наслѣдованіе энграммовъ нельзя однако смѣшать съ отравленіемъ зародыша (1906).

29) Не вспоминаю ассоціаціонныхъ схемъ волокнистости мозга Flechsig'a, ибо ихъ неправильность уже доказана. Болѣе вниманія достоинъ новый невро-біологическій институтъ д-ра Oscar'a Vogt'a въ Берлинѣ и, въ качествѣ института для изученія мозга, прекрасно устроенная психіатрическая клиника проф.

Краереліп'а въ Мюнхенѣ. (1894 — 1906).

30) Пантеизмъ, часто возражаютъ, равенъ атеизму. Сто разъ нѣтъ! Хотя и существуютъ многіе философы-атеисты, которые придаютъ себѣ эту кличку, съ цѣлью настойчиво показать свое отрицаніе личнаго Бога. Въ толпѣ же недумающихъ или грубо размышляющихъ людей, атеизмъ принимается какъ отрицаніе метафизическаго, сверхчеловѣческаго всемогущества. Средній атеистъ признаетъ нынѣ Богомъ лишь самого себя, еще можетъ быть обезьяну или Дарвина, о которомъ онъ слыхалъ, что онъ отецъ «обезьяны-человѣка. Нашъ великій изслѣдователь и мастеръ Дагвин, который самъ является этическимъ образцомъ и могущественнымъ мыслителемъ едва ли былъ бы въ восторгѣ отъ такого толко-

ванія. (Сравните жизнь Дарвина и письма его, изд. его сыномъ Francis Darwin).

Это напоминаетъ похожее явленіе въ медицинѣ. Еще 25 лѣтъ тому назадъ, отчасти и теперь еще, мозгъ для врачей и даже для факультетскихъ преподавателей считался terra incognita и также *polli me tangere*. Анатомически, физиологически, патолого-анатомически и патологически его касались либо нѣсколькими мистически-почтительными, либо презрительными фразами и удовлетворялись чаще всего тѣмъ, что поражающія и очевидныя очаловыя заболѣванія и проявленія этого органа, объяснялись эмпирически-клинически. Геніальные изслѣдователи мозга, какъ Burdach, Flourens и др. до Meunier'a не удостоивались вниманія и признанія, или же были не поняты. Игнорировали мозгъ, сколько возможно, не взирая на то, что онъ вѣситъ около $1\frac{1}{2}$

кило и тогда уже полагали, что онъ вмѣщаетъ въ себѣ душу, и все ученіе объ экономіи и жизни человѣческаго тѣла старались создать безъ, или почти безъ этого неудобнаго, ибо незнакомаго, органа. Отсюда происходили въ медицинѣ необозримыя ошибки и лишь сегодня научаются ихъ познавать, чему ученіе о внушеніи очень способствуетъ. Большое число функцій и отклоненій, которыя раньше приписывались другимъ органамъ, какъ запоры, мнимые катарры желудка, вазомоторныя явленія, невроты, страданія матки и т. д., оказываются явленіями мозга. Если что либо недознано и не объяснено, нѣтъ еще основанія заявить, что это нѣчто не существуетъ или не принимается во вниманіе; вотъ заключеніе, которое отсюда слѣдуетъ выводить.

Нѣчто подобное совершается съ представленіемъ Бога. То обстоятельство, что

мы метафизическаго мірового всемогущества понимать не можемъ и не знаемъ, это намъ еще не даетъ права его отрицать. Что оно существуетъ, доказываютъ явленія мірового всемогущества.

Аналогія сравненія распространяется даже на имя. Изъ боязни казаться мистикомъ, ибо природа явленій души была неясна, а слово можетъ неправильно быть истолковано, слово душа было вычеркнуто изъ естествоиспытательно - врачебнаго словаря, также какъ и слово Богъ и замѣнено словами общее чувствилище, чувство, раздраженіе, рефлексъ, которыя чисто неправильно примѣнялись. Вообще говорили и часто говорятъ еще теперь о «произвольномъ» и «психическомъ», въ туманномъ и дуалистическомъ смыслѣ. Но стало лучше, когда убѣдились, что мозгъ и душа представляютъ собою не-

отвергаемую величину, которую даже можно изучить.

Полагаю наконецъ, что меня никто не поздравитъ въ томъ, что я являюсь приверженцемъ какой либо одной изъ существующихъ религіозныхъ системъ. Я лишь пытался объяснить философскую истину въ религіозной основной мысли и ея соотвѣтствіе съ изслѣдованіемъ природы, съ цѣлью внести вразумленіе въ дисонансахъ и недоразумѣніяхъ нынѣшнихъ умовъ. Буду доволенъ, еслибъ мнѣ, внесеніемъ своей лепты, это бы удалось.

Болѣзненные, общество разлагающіе, отростки человѣческаго духа существовали во всѣ времена міровой исторіи. Такимъ отросткомъ является модный матеріалистическій пессимизмъ, искусственно возведенный въ школу невропатологическій, страстный къ наслажденіямъ цинизмъ. Желая его покорить, намъ больше

не годятся лживые идола, но исключи-
тельно научная и философская истина
въ связи съ практическимъ этическимъ
создаваніемъ. Только глупая предвзятость
старыхъ предразсудковъ, или церковные,
денежные и составные интересы могутъ
уклониться отъ этого яснаго и простого
понятія (1894).



